

ЛЕТТИ КЕЙН

Высота страсти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Летти Кейн

Высота страсти

<https://litres.ru/74034744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — Эмили Дрейк.

Бесстрашный пилот, участвующая в смертельных авиагонках. Её имя — легенда, её лицо — тайна. Никто не знает, что под маской скрывается Оливия Дэвлин, тихая дочь авиамагната, которая пятнадцать лет назад поклялась никогда не подниматься в небо.

Он — Фуад Аль-Рашид.

Гонщик-призрак, чьего лица не видел ни один фотограф. Король скорости, который не проигрывает. Никто не догадывается, что за шлемом прячется Ариф Аль-Мансури — респектабельный директор Академии скорости, наследник авиационной династии и друг её семьи.

Случайное столкновение в аэропорту Джидды рушит все их планы. Их диалоги — словесные дуэли. Их взгляды — игра на выживание. Их тянет друг к другу с силой, которая пугает их обоих.

Но у каждой тайны есть срок годности.

Две легенды. Два псевдонима. Одна любовь, которая не прощает лжи.

Спортивная драма с восточным колоритом, где небо становится полем битвы, а любовь — самой опасной трассой.

Летти Кейн

Высота страсти

Глава 1. Прощание с Калифорнией

Солнце Калифорнии было не просто светилом — оно было диктатором, тираном, выжигающим реальность до звенящей, золотой пустоты. Его лучи цеплялись за шелковистую подкладку академической мантии, прижигали кожу под тяжелой тогой, превращая торжественный миг в испытание на выносливость. Оливия Дэвлин стояла в шеренге таких же, как она, заложников ритуала, и думала, что стоит ей зажмуриться от внезапной вспышки — и она окажется там, где должна быть: в тесной кабине, где единственный свет — это призрачное зеленое свечение приборов, а единственный закон — ее воля. Еще в феврале, когда серый туман окутывал кампус, она сдала последний экзамен экстерном, вырвав себе свободу ценой бессонных ночей. Свободу, смысл которой мог понять только он: алый «Экстра» в ангаре, ждущий своего часа. Но всему приходит конец. И сейчас предстояло самое сложное — вернуться домой в свою «привычную жизнь».

«Оливия Дэвлин. Бакалавр истории искусств».

Аплодисменты, словно шум прибора. Дежурная улыбка декана. Шелковый шелест бумаги в ее пальцах. Диплом. Он был удивительно тяжелым. Не физически — нет, несколько грамм типографского картона не могли оттягивать руку. Это был вес ожиданий. Обещаний, данных когда-то другой себе — той, что боялась высоты больше всего на свете.

Она сошла с помоста, и ослепительный блик, отраженный от золоченой печати, на мгновение выжиг сетчатку. Мир пропал, растворился и в белизне...

...Вспышка фар, растянутая в дождевых струях. Грохот. Не звук, а всесокрушающий удар, врезавшийся в память навсегда. Визг тормозов, превращающийся в предсмертный хрип металла. Стекло, рассыпавшееся на миллионы алмазных осколков. И запах. Сладковатый, медный, удушающий запах крови. Ей было пять, и она дремала на заднем сиденье, убаюканная смехом матери и уверенным баритоном отца за рулем. А потом — хаос. Боль, острая и жгучая, в виске, в сломанной руке, во всем ее маленьком теле. И тишина. Глубокая, звенящая, нарушаемая лишь шипением дождя на раскаленном двигателе.

Она пыталась повернуть голову, позвать: «Мама? Папа?» Вместо ответа — лишь бледное, безжизненное лицо матери, склонившееся к ней под неестественным углом. И взгляд

отца, пойманный в зеркале заднего вида. Пустой, разбитый, наполненный такой вселенской виной, что ее детское, истерзанное болью сердце сжалось в комок немой ярости. Он был за рулем. Он это сделал. Он украл у нее маму, ее улыбки, ее тепло. Он превратил небо из сияющей мечты в холодную, бездушную могилу...

Оливия моргнула, отгоняя призраков. Диплом в руке снова стал просто бумагой. Солнце — просто солнцем. А боль... Боль была старой, знакомой собакой, прикорнувшей у ног и изредка поскуливавшей во сне. Она не была острой. Она была... удобной.

— Лив! Эй, Дэвлин! Улыбнись для потомков!

Она обернулась на голос. Дэнни Блэквуд пробирался сквозь толпу ликующих семей, снимая весь этот фарс на свой новенький телефон. Его соломенные волосы пылали на солнце, как сигнальный огонь. Он был воплощением калифорнийской беспечности, которой Оливия так и не смогла проникнуться до конца.

— Поздравляю, будущий арт-дилер! — Он поцеловал ее в щеку. — Готова продавать «Черные квадраты» наивным олигархам?

— Только если они будут платить биткоинами и не спрашивать, где подлинник, — парировала она, натягивая привычную маску легкомыслия.

— Вот это по-нашему! — Дэнни засмеялся, выхватил у нее диплом и принялся изучать с преувеличенным благоговением. — Официально. Теперь ты сертифицированный специалист по тому, как правильно созерцать обнаженную натуру на гигантских полотнах.

— Ты удивишься, но большинство тел в работах Рубенса далеки от современных стандартов. Больше жизни, больше плоти.

— Скучно, — фыркнул он. — Давай лучше о твоей идеальной форме. Какие планы? Шампанское? Пляж? Джейк с факультета журналистики, кстати, все о тебе спрашивает.

Оливия покачала головой, забирая диплом обратно. Ее пальцы сжали картонную папку чуть крепче, чем следовало.

— Не сегодня, Дэн. Мне нужно... кое-что завершить.

Его улыбка потухла, сменилась понимающей серьезностью. Он знал ее слишком хорошо. Слишком много часов они провели в тишине ангаров, где слова были лишними.

— Самолет? — спросил он тихо, почти беззвучно.

Она лишь кивнула, глядя куда-то поверх его плеча, на безмятежную синеву, где медленно плыл авиалайнер — гигантский, неповоротливый, чужой.

— Последний раз. Мне нужно... попрощаться.

Час спустя они стояли на краю летного поля маленького частного аэродрома. Воздух здесь был иным — густым, насыщенным запахами авиационного топлива, горячего масла и раскаленного асфальта. Запах свободы. Запах предательства.

Перед ними стоял ее «Extra 330 SC». Не самолет — скульптура, воплощенная в карбоне. Маленький, яростный, алый, с белой молнией вдоль фюзеляжа. Он походил на хищную птицу, присевшую отдохнуть, но каждым нервом готовую ринуться в поднебесье.

— Красавец, — выдохнул Дэнни с неизменным восхищением. Его отец владел долей на этом аэродроме, и именно Дэнни три года назад, подслушав ее разговор с инструктором, подарил ей эту немислимую возможность — доступ к машинам, к небу. Он стал ее сообщником, единственным

хранителем ее тайной жизни.

— Он просто инструмент, — бросила Оливия, проводя ладонью по гладкой, прогретой солнцем поверхности крыла. Прикосновение было знакомым, почти любовным. Она лгала, и он знал это.

— Перестань, Лив. Хватит носить эту маску. Хотя бы со мной. Ты рождена для этого. Смотри на него. Он ждет. Он умоляет тебя забрать его туда, где ему место.

Она закрыла глаза, вбирая в себя этот запах, этот далекий гул двигателя, это ощущение мощи, дремавшей в стальной птице.

— Я не могу, Дэнни.

— Не можешь или не хочешь? — его голос утратил привычную легкость. — Лив, твоя мать... она бы поняла. А отец... Ты ведь простила его. Вы — семья. Почему ты продолжаешь изображать ненависть к небу? Кого ты обманываешь?

«Себя, — пронеслось в голове. — Только себя. Потому что если я признаюсь, если скажу это вслух, я стану им. Стану Рэйфом Дэвлином. Человеком, для которого полет — всё.

Который ради неба готов рискнуть всем. Даже жизнью тех, кого любит. Если я стану такой же, как он, то как я смогу продолжать винить его?»

— Я не обманываю, — сказала она вслух, и голос прозвучал сдавленно. — Я просто выбираю другую жизнь. Ту, которую выбрала бы для меня мама. Спокойную. Прекрасную. На земле.

Дэнни вздохнул, отступая. Он видел бурю в ее глазах и знал, что не сможет ее утихомирить.

— Ладно. Как скажешь. Твой последний полет. Покажи мне, что я буду помнить все эти годы, пока ты будешь изучать потрескавшийся лак в галереях Уффици.

Уголки ее губ дрогнули.

— Смотри и учись, Блэквуд.

Кабина была ее святилищем. Тесное, идеально организованное пространство, где всё было подчинено одной цели — полету. Она пристегнула ремни, руки сами нашли привычные рычаги, тумблеры. Запуск двигателя — низкий, мощный рев, заставляющий вибрировать каждую клеточку тела. Это была не просто вибрация — это был пульс, биение вто-

рого сердца. Здесь она была не жертвой, не дочерью, не хранительницей чьей-то памяти. Здесь она была богиней, творящей свою судьбу в небесной пустоте.

Она вырулила на взлетную полосу. Никаких сомнений, никаких страхов. Только чистейшая, кристальная концентрация. Оливия бросила последний взгляд на Дэнни, машущего ей рукой, и плавно вывела рычаг управления на себя.

«Extra» рванул вперед с яростью заключенного, почувствовавшего свободу. Перегрузка вдавила ее в кресло. Скорость. Абсолютный контроль. Мгновение невесомости — и земля осталась внизу, превратившись в игрушечный ландшафт.

Она уходила вверх, в бездонную лазурь, оставляя под крылом кукольные домики, крошечные машинки и всю свою прописанную по пунктам земную жизнь. Здесь она была... собой. Той, кем боялась стать. Той, чье сердце разрывалось между восторгом полета и гнетущим чувством предательства. Каждый вираж, каждая бочка, каждый штопор были криком: «Я жива! Я сильна! Это мое!». И каждый раз, выходя из фигуры, она ловила себя на мысли: «Прости, мама. Я не должна этого хотеть».

Она выполнила мертвую петлю. Бочку. Штопор. Самолет

послушно исполнял ее малейшую волю, танцевал в небесном пространстве по ее прихоти. Она парила, падала, вновь взмывала, и с каждым движением груз с души слетал, уносился прочь набегающим потоком. Здесь не было боли, не было воспоминаний, не было страха. Была только высота. И страсть к ней. Дикая, всепоглощающая, запретная.

Она смотрела на землю далеко внизу, на ослепительную полосу океана на горизонте, и сердце ее разрывалось от противоречия. Это был побег. Это было предательство. Это было единственное, что имело значение.

Когда она посадила машину, плавно, безупречно, Дэнни молчал. Он просто смотрел на нее, и в его глазах читалось то, чего она так боялась — восхищение, грусть и полное понимание. Понимание того, что она хоронит часть себя, и эта часть — самая яркая.

Они стояли у самолета, уже остывающего, поскрипывающего на вечернем ветерке. Дэнни несколько раз порывался начать разговор, бестолково хватая ртом воздух. Оливия искоса наблюдала за ним, но даже ее терпению пришел конец:

— Что? Говори же, черт тебя дери! — она встала напротив и сердито уперла руки в бока.

— Ладно, амазонка. Сдаюсь, — он почесал шею и взъерошил волосы на затылке. О, дело серьезное. Давно он так не нервничал. — В общем, я не знал как ты отнесешься к этому...

— Боже, ты что? Убил кого-то? — Лив усмехнулась. — Или решил переехать со мной в Абу-Даби? О, моя семья будет в восторге от тебя, а Алекс...

— Заткнись, Дэвлин! Я подписал контракт. С командой «Феникс». Начинаю подготовку к чемпионату мира в классе «Спорт». В апреле — первый этап авиагонок.

Удар был тихим и глубоким, словно нырок в ледяную воду. World Air Racing Championship, или просто WARC, был мечтой, о которой они грезили все эти четыре года. Вместе. Горло сжалось. Зависть, острая и колючая, как осколок стекла, вонзилась куда-то под ребра, а следом за ней — волна такой яростной, безумной радости за него, что она едва не задохнулась. Дэнни делал это. Открыто. Смело. Шел туда, куда она могла только украдкой мечтать попасть.

— Дэнни... Это фантастика, — ее голос прозвучал хрипло, и она быстро очистила горло. — Ты это заслужил. По-настоящему.

Лив не сдерживаясь бросилась к нему в объятия.

— Спасибо, подруга. — Он улыбнулся, но в его взгляде появилась тень беспокойства. — Значит, скоро буду трястись в кабине, пока ты будешь с умным видом бродить по вернисажам. Жаль, что ты... — он запнулся, не договаривая. «Жаль, что ты не со мной».

— Я рада за тебя, — сказала она искренне, и это была правда. Горько-сладкая, разрывающая сердце на части правда. — Теперь ты официально самый опасный парень на побережье.

— В этом есть доля истины, — фыркнул он, но уже без прежней легкости. Его взгляд стал пронизательным. — Ну что? Прощай, Калифорния.

— Прощай, Дэнни, — она крепче обняла его, и в этом объятии была вся их дружба, вся их тайна, вся горечь расставания и тихая зависть к его смелости.

— Буду скучать по тебе, воробушек, — он щелкнул подругу по носу и затем легонько похлопал по фюзеляжу.

Оливия улыбнулась, и на этот раз улыбка была почти настоящей.

— Я не воробей. Я — ястреб.

— Тогда лети, ястреб. И не вздумай забыть, кто ты на самом деле.

Он ушел, оставив ее наедине с самолетом, с закатом и с тяжелым решением в груди. Она достала телефон. Последнее сообщение от отца: «Горжусь тобой, солнышко. Ждем дома. Все соскучились».

Она провела пальцем по экрану, затем открыла другое приложение. Авиабилеты. Абу-Даби. Одно место. Эконом-класс. Она выбрала рейс, ввела данные. Палец замер над кнопкой подтверждения.

Оливия снова посмотрела на самолет. На свое отражение в темном стекле фонаря — глаза, полные неизбывной тоски по небу, которую она никогда никому не покажет. Страх был клеткой, но эта клетка была ей знакома и безопасна. Выйти из нее — значит разрушить хрупкое равновесие в семье, где она была «земной», уникальной, особенной. Где мачеха любила ее именно за эту «идентичность». Где отец, видя ее интерес к искусству, молчаливо искупал свою вину, поддерживая этот «безопасный» выбор. Если стены рухнут, что останется?

Она поцеловала подушечки прохладных пальцев и приложила их к холодному стеклу фонаря.

Сухая, выжигающая жара Калифорнии сменилась влажным, обволакивающим теплом Абу-Даби. Воздух здесь был тяжелым, насыщенным солью Персидского залива, ароматами бахура и денег. Больших денег.

Дом семьи Дэвлин был воплощением мечты ее отца: просторная вилла в тонком арабском стиле с внутренним двором, бирюзовым бассейном, утопающим в зелени, и видом на сверкающую набережную. Идиллия, выстроенная его руками. Новая жизнь. Новая семья. И она, Оливия, была в ней тихой иконой, напоминанием о прошлом, которое все старались обернуть в мягкий бархат примирения.

— Оли! Наконец-то!

Первой ее увидела Мэри. Ее мачеха. Нет, просто — мама. Мэри выбежала из гостиной и заключила ее в объятия. От нее пахло ванилью и свежей выпечкой, и это был самый добрый, самый домашний запах на свете. Их связь была прочной именно потому, что Мэри не пыталась заменить мать — она просто дарила уют и тепло.

— Поздравляю, моя умница! Мы за тебя так переживали!
— Мэри отодвинулась, чтобы разглядеть ее, глаза сияли. —
Боже правый, ты совсем исхудала! Стэнфорд тебя просто истоцил!

— Это она от возвышенной любви к Моне чахла, — раздался насмешливый голос с лестницы.

Алекс, ее сводный брат, уже спускался вниз. В свои девятнадцать он был вылитый молодой Рэйф, несмотря на отсутствие кровного родства, — темные волосы, яркие голубые глаза, уверенная улыбка пилота, которой у него пока не было, но которая, казалось, вот-вот должна была проявиться. Он смотрел на мир как на взлетную полосу, и его восхищение было простым и прямым. Ей же приходилось жить в лабиринте собственных противоречий.

— Я чахла в ожидании твоих убогих шуток, — парировала Оливия, отпуская Мэри и позволяя брату подхватить себя в крепкие объятия.

— Шуткам конец, сестренка. — Алекс отступил, его лицо озарял неподдельный восторг. — Ты только представь — я прошел! Меня приняли! В Академию скорости JAM! Отныне я — студент!

Его энтузиазм был таким заразительным и чистым, что у нее на мгновение перехватило дыхание. Он так любил небо. Так хотел быть похожим на ее отца. Их отца. И если бы он узнал, что его «земная» сестра давно обогнала его в дерзости...

— Алекс, это потрясающе! — Она заставила себя расплыться в широкой, сияющей улыбке, похлопала его по плечу. — Я никогда не сомневалась: из тебя выйдет ужасный пилот. С твоими шутками никто не захочет стать твоим капитаном.

— Зато пассажиры будут млеть от хохота! — рассмеялся он.

В этот момент в гостиную вошел Рэйф. Капитан Дэвлин. Ее отец. Он обнимал за плечи Эдварда, их общего с Мэри десятилетнего сына, который визжал от восторга.

— Папа, смотри! Оливия приехала!

Рэйф отпустил мальчика, и тот тут же бросился обнимать сестру. Сам же мужчина замер на мгновение, просто глядя на нее. Он выглядел... безмерно гордым. Настолько, что у нее снова болезненно сжалось внутри. Его гордость была построена на лжи — на том, что она выбрала безопасный, да-

лекий от неба путь. Это была награда за ее предательство самой себя. И в то же время — единственный мост, по которому они могли осторожно сходиться после той ночи.

— Дочка, — произнес он, и его голос, обычно такой твердый и властный, смягчился, стал бархатным. Он подошел, не решаясь на объятие, и просто положил свою большую, сильную руку ей на плечо. Его прикосновение было теплым, тяжелым, знакомым. И все еще отдавало легкой прохладой многолетней отстраненности, которую они сумели преодолеть, но которая так и не растаяла полностью. Его вина и ее обида — вечные тихие спутники. — Поздравляю. Мы все невероятно гордимся тобой.

— Спасибо, папа, — она потянулась, чтобы поцеловать его в щеку, уловив знакомый шлейф его одеколона — цитрусовый, свежий, с едва уловимыми нотами кожи и... Того, что всегда оставалось на нем, даже после долгих дней на земле. Запах полета. Запах неба.

— Ну-ка, дай взглянуть на эту драгоценность, — он взял у нее из рук диплом, развернул его, и его лицо озарила счастливая, облегченная улыбка. — Бакалавр искусств. Моя дочь — интеллектуалка. Теперь ты будешь просвещать нас, невежд, за ужином.

— Только если вы будете вести себя прилично, — пошутила она, чувствуя, как маска идеальной, безупречной дочери все плотнее прилегает к ее лицу, становясь второй кожей.

Ужин был шумным, веселым хаосом, полным смеха, споров и общих шуток. Алекс, захлебываясь, рассказывал об академии в Джидде.

— Ты просто не представляешь, Лив! Академия имени Джималия Аль-Мансури! Это же легенда! Ею руководит его дочь, Аиша, ты ее должна помнить. Она летала с отцом в одном экипаже!

— Помню, — кивнула Оливия, ковыряя вилкой салат из булгура. Аиша Аль-Мансури... прекрасная, умная, со стальной волей и мягкой улыбкой. Она всегда была для нее примером — женщина, которая всего добилась сама в мире, принадлежащем мужчинам. Женщина, которая не боялась быть собой. В отличие от нее.

— В этом году они получили возможность проведения квалификационного отбора на Чемпионат мира по авиагонкам! Представляешь? Маленькие, юркие самолеты, бесстрашные пилоты, фигуры высшего пилотажа, от которых кровь стынет в жилах... И все это в Джидде! Буквально у нас под боком.

Пальцы Оливии похолодели. Она сделала большой глоток ледяной воды. Ее тайный мир, ее адреналиновый сон, вдруг заговорил за их семейным столом голосом восторженного брата. Это было как удар под дых.

— А ты, видимо, собрался активно болеть, — голос Рэйфа приобрел профессиональные, отцовски-строгие нотки. — Гонки — это не развлечение. Это высший пилотаж и колоссальный риск. Не место для дилетантов. — Его взгляд на мгновение метнулся к Оливии, и ей показалось, что в его глазах мелькнул... страх. Страх потерять еще кого-то.

— Я знаю, папа, знаю.

— А Джидда, между прочим, теперь совсем иной город, — подхватила Мэри, разнося тарелки с десертом. — Алекс показывал фотографии. Современный, открытый мегаполис, фестивали, Формула-1! Совсем иная Саудовская Аравия.

— Да уж, не в пример нашему консервативному Абу-Даби, — фыркнул Алекс.

— Свой снобизм побереги для друзей, — мягко пожуривала его Мэри. — У каждой страны свои традиции. Уважать

их — признак ума и воспитания.

Оливия слушала этот разговор, и каждое слово падало в ее сознание, как семя в благодатную, вспаханную почву. Авиагонки. Дждда. Академия. Аиша. Все сходилось. Все складывалось в идеальную, безумную и такую желанную мозаику. Шанс. Не просто украдкой полетать, а бросить вызов настоящему. Украсть у судьбы то, что она у нее отняла. Переписать свою историю, где самолет будет не орудием смерти, а символом ее победы. Но для этого нужно было солгать. Притвориться. Остаться для них «земной» Оливией, уезжающей в тихую культурную поездку.

После ужина, когда Эдвард отправился спать, а Алекс умчался делиться новостями со своими друзьями, Рэйф пригласил ее в свой кабинет.

Комната была его святилищем. Повсюду модели самолетов, фотографии экипажей, стопки профессиональной литературы. И одна полка, с любовью отведенная под ее скромные достижения — школьные грамоты, первые научные работы. Теперь там же будет и ее диплом. Символ их перемирия, основанного на молчаливой договоренности: ты — на земле, я — в небе, и мы больше не причиним друг другу боли.

— Для тебя, — сказал он, протягивая ей тяжелый, изящно упакованный том. — На память.

Она развернула шелестящую бумагу. Альбом. «Искусство Ренессанса. Шедевры и их создатели». Роскошный, тяжелый, пахнущий дорогой типографской краской и старыми библиотеками. Молчаливое одобрение выбранного ею пути. Официальной жизни. Жизни на земле. Гроб для ее второй, дикой души.

— Спасибо, папа, — прошептала она, и комок подкатил к горлу. — Он великолепен.

— Ты заслужила, — Рэйф улыбнулся, и в глубине его глаз на мгновение мелькнула знакомая тень старой, неизбывной боли. Он гордился ею. Он был счастлив, что она выбрала землю. Безопасность.

Они поговорили еще несколько минут о планах, о том, как Мэри хочет сводить ее на новую экспозицию в Лувре Абу-Даби. Потом он обнял ее на прощание, и это объятие было почти таким же крепким, как в далеком, беззаботном детстве.

Оливия поднялась в свою комнату. Тишина и прохлада объяли ее, словно дорогое одеяло. Она поставила массив-

ный альбом на письменный стол, рядом с ноутбуком. Два мира. Две жизни, разделенные тонкой, невидимой, но такой прочной стеной. Стена была построена из страха: предать память матери, разрушить хрупкий семейный мир, потерять контроль над своей самой сокровенной страстью, превратить ее в семейное ожидание.

Она подошла к окну. Город сиял внизу бесчисленными огнями, словно рассыпанные по бархату ночи драгоценности. Где-то там были взлетные полосы, ангары, самолеты, уносящиеся в ночную тьму. Ее сердце бешено колотилось, разрываясь на части между долгом и страстью, между страхом и жадой.

Она повернулась, села за компьютер и открыла браузер. Ее пальцы порхали по клавиатуре, быстрые, точные, выверенные. Поиск. Авиагонки. World Air Racing Championship. Джидда. Открытый квалификационный этап. Регистрация для новых пилотов.

Оливия замерла, когда курсор навис над кнопкой подтверждения. Она обернулась, посмотрела на дверь, за которой доносились приглушенные, счастливые голоса ее семьи. На диплом. На книгу об искусстве Ренессанса.

Затем ее взгляд упал на маленькую серебряную рамку на

прикроватной тумбочке. Фотография. Она, совсем маленькая, и ее мама, Эмили. Они беззаботно смеются, обнявшись. Мама, которая никогда не летала, которая боялась высоты, которая обожала землю, тишину музеев и уют домашнего очага.

«Я должна хотя бы попытаться. Не для того, чтобы стать им. А чтобы найти себя. Чтобы перестать бояться. Чтобы доказать, что я могу контролировать это».

Она ввела имя участника. Не Оливия Дэвлин. Этого человека не должно было существовать для ее семьи.

Имя пилота...

Эмили... Имя матери, как талисман и как покаяние.

Она вспомнила беззаботно-счастливое лицо Дэнни, его бесконечную веру в нее и колоссальную поддержку. Дэнни, который сейчас шел к своей мечте открыто. Вспомнила ребят из колледжа. Джейкоба Дрейка, который так часто повторял, что она похожа на птицу... Что ж, пусть будет Дрейк.

Эмили Дрейк.

Призрачное имя для призрачной жизни. Имя, за которым

будет скрываться ее самая настоящая, самая дикая часть.

Она сделала глубокий, прерывистый вдох, как перед выходом из кабины в свободном падении, и нажала кнопку «Зарегистрировать».

Щелчок мыши прозвучал в тишине комнаты громче, чем рев двигателя. Дверь в клетку захлопнулась. Но теперь она была по другую сторону.

Глава 2. Принц на земле

Воздух в переговорной был густым и тягучим, пропитанный запахом старого пергамента и холодного расчета. Он вибрировал от молчаливого напряжения, и Ариф Аль-Мансури, восседавший в своем кресле из мягчайшей кожи, был единственным, кто, казалось, не просто дышал этим воздухом, а управлял им. Он был дирижером в зале, где симфония власти и подчинения рождалась из шепота бумаг и эха невысказанных угроз. Его поза — расслабленная, почти небрежная — была обманчива; каждый мускул, каждый вздох был частью безупречно выверенной стратегии.

Легкая, едва тронувшая его губы улыбка застыла на месте, пока он наблюдал за оппонентом. Это была не улыбка дружелюбия. Скорее — хищника, уже вкусившего победу.

— Ваши доводы, господин Доган, очаровательны в своей... трогательной наивности, — его голос был низким, бархатным, словно дым дорогого виски, но каждое слово в нем было отточенным лезвием. — Они напоминают мне попытку уговорить ураган изменить свой путь, суля ему благодарность за щедрость. Но стихия, знаете ли, глуха к мольбам. У нее свои законы.

Он медленно потянулся к планшету. Движение его руки было изящным и точным. На огромном экране всплыли пункты контракта, и его тонкий палец выделил роковую строчку.

— Пункт 4.7. — Ариф поднял взгляд, и его карие глаза, обычно хранящие тепло пустынного солнца, теперь сверкали холодным блеском обсидиана. — Вы обязались поставить комплектующие, соответствующие стандарту FAA. А привезли то, что едва ли годится для сельскохозяйственного биплана. Мы договаривались о «Феррари», а вы подсунули нам запчасти от трактора. — Он сделал паузу, давая каждому слову проникнуть в самое сердце, прочувствовать растущую панику. — Вы действительно хотите, чтобы этот... просчёт стал достоянием не только нашего совета директоров, но и, скажем, всех ваших текущих кредиторов?

Его оппонент, солидный мужчина в костюме, чья цена могла прокормить небольшую семью в течение года, провел пальцем по воротнику, на котором выступили следы пота. Ариф наблюдал за этой немой пантомимой краха с холодным любопытством. Вот она, цена слова, не подкрепленного делом. Вот она, беспомощность. Это и была его стихия. Не безбрежное, неподконтрольное небо, а вот эти четыре стены, где он был одновременно архитектором, судьей и, при необходимости, палачом. Где его ум, отточенный в Гарварде, был острее скальпеля, а слова имели вес подписей под исполнительными листами.

— Мы... мы готовы рассмотреть компенсацию! — выдохнул Мурат Доган. Голос его дрогнул, выдав всю глубину отчаяния.

— Разумеется, — Ариф мягко улыбнулся, и в этой улыбке была вся сладость безжалостной победы. — Полная компенсация всех наших издержек. Исключительное право на закупку горючего для всего нашего автопарка у вашей дочерней компании... со скидкой в сорок процентов. На пять лет. И, разумеется, — он снова сделал паузу, наслаждаясь финальным аккордом, — ваше молчаливое, но безоговорочное согласие больше никогда не участвовать в наших тендерах. Полагаю, вы исчерпали свой кредит доверия.

Это был не просто разгром. Это была казнь. Безупречная, элегантная и не оставляющая следов. Когда дверь за поверженным противником бесшумно закрылась, Ариф медленно повернулся к своему заместителю. В его жилах пела кровь, а в душе царила ясность и гармония абсолютной власти.

— Закройте это дело, — произнес он без интонации. — И убедитесь, что наши юристы внесли «PetroFlow» в список привилегированных партнеров. Урок должен приносить дивиденды.

Он вышел из кабинета. Его шаги по коридору были твердыми и размеренными. Ариф чувствовал приятную, сладкую усталость победителя, напряжение, которое находит выход в безупречной логической развязке. Его мир был здесь, на земле. Он держал контроль в своих руках так же уверенно, как через несколько часов будет держать руль своего «Порше» на закрытой трассе, и оба эти чувства были для него двумя разными гранями одного целого — его нерушимой воли.

Пентхаус, венчавший небоскреб подобно короне, был одновременно и крепостью, и стартовой площадкой в мир его истинной свободы. Панорамные окна открывали вид на бескрайний ночной город, чьи огни сливались на горизонте с бархатной тьмой пустыни. Ариф стоял у стекла, ощущая его прохладную поверхность, и держал в руке тяжелый хрусталь-

ный стакан, наполненный кристальной водой. Его взгляд скользнул по взлетной полосе вдаль, где один за другим взмывали в небо самолеты, унося пассажиров в иные миры.

Но в его сердце не шевельнулось ни капли тоски или зависти. Нет. Он смотрел на них, как на прекрасное, но чуждое ему зрелище. Как на балет, которым можно восхищаться со стороны, не испытывая ни малейшего желания выйти на сцену. Его страсть была иной — приземленной, стремительной, обжигающе-реальной. Она была быстрее. Горячее. Требовала не просто наблюдения, а полного слияния.

На столе из черного мрамора мягко засветился экран телефона. Самир. СМС была лаконична, как всегда: «Ангар 7. 23:30. Не заставляй «Демона» скучать, старик».

Ариф усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. «Старику» едва перевалило за тридцать, а в душе он все еще чувствовал себя тем восемнадцатилетним юнцом, для которого весь мир был одной большой трассой. Он одним глотком допил ледяную воду, поставил стакан с тихим звоном и направился в гардеробную. Через пять минут от солидного директора не осталось и следа: его сменил Фуад Аль-Рашид в потертых джинсах, мягкой футболке и черном худи, пахнувшим ветром, бензином и свободой. Он натянул капюшон, взял со стола черный кошелек с наличными и чи-

пами от топливных карт, и исчез в лифте, ведущем в подземный гараж, где его ждал неприметный черный микроавтобус с тонированными стеклами.

Пустыня за городом была их храмом. Не священным, а сугубо личным, где поклонялись скорости и братству. Его синий «Порше» стоял под скупым светом прожекторов, сдержанно поблескивая, как крупный хищник в темноте. 550 лошадиных сил дремали в его сердце, готовые по первому требованию хозяина превратиться в чистый, необузданный гнев. Ариф провел рукой по капоту, чувствуя вибрацию. Это была не просто машина. Это была его вторая кожа, стальное продолжение нервной системы, идеально настроенный инструмент для единственной цели — победы.

— Опять любишься? — раздался знакомый хриловатый голос. Самир, его главный инженер и близкий друг, знавший всю правду, прислонился к стойке своего Nissan GT-R. Его лицо, покрытое легкой сетью морщин от постоянного прищипывания, расплылось в ухмылке. — Он и так знает, что он самый красивый. Давай уже, брат. Или у тебя там в костюме арматура застряла, мешает перевоплотиться?

— Терпение, Самир, — Ариф, уже облаченный в черный комбинезон с неприметными шевронами «Рашид Моторспорт», лишь усмехнулся, надевая перчатки. — Искус-

ство требует уважения. Особенно когда твоё детище, — он кивнул в сторону Porsche, — рождено для того, чтобы пожирать асфальт и амбиции. Говорят, у тебя в мастерской новый проект? Какой-то американский мускул-кар?

Глаза Самира загорелись. Его частная мастерская по «прокачке» уличных тачек была отдушиной, антиподом стерильному миру профессионального GT-спорта.

— О, это жемчужина! Шевроле Камаро 69 года. Рабочий объём увеличил, подвеску...

— Расскажешь в деталях. Сначала — работа, — Ариф взял со стойки свой шлем. Уникальный дизайн — матово-черный, с зеркальным золотым визором, начисто стирающий лицо. Символ Фуада Аль-Рашида. — Давай, покажи, над чем твоя команда колдовала всю неделю. Говоришь, баланс лучше?

Они уселись в машины — Ариф в Porsche, Самир в своём подопытном Nissan. Самир был не просто другом — он был барометром, живым напоминанием о том, что настоящая скорость рождается не только в цифрах телеметрии, но и в чутье, в азарте. Забеги здесь, на закрытой трассе, были их ритуалом, последней проверкой перед официальными этапами GT World Challenge, где Фуад Аль-Рашид уже был заяв-

лен в классе Pro. Сезон стартовал в апреле, а в воздухе уже пахло бензином и соревновательным зудом.

Механик у стартовой черты поднял руку. Тишина. Ариф (нет, уже Фуад) сделал глубокий вдох, чувствуя, как привычный, сладкий мандраж адреналина вытесняет из мышц остаточное напряжение от дневных переговоров.

Рука упала.

Два двигателя взревели, разорвав ночь. Porsche рванул с места с яростью, вжимая Арифа в кресло. Мысли о контрактах, академии, долге — всё испарилось. Остался чистый, огненный инстинкт. Скорость обрушилась на Арифа не просто физическим давлением — она стала частью его, наполнила каждую клеточку тела ликующим, всепоглощающим огнем. Он засмеялся, и этот смех был сметен ветром, чистый и дикий.

Он не убегал. Он — летел. Летел по земле, чувствуя каждую песчинку, каждый изгиб трассы так остро, будто это было продолжение его собственной нервной системы. Его руки сами поворачивали руль, тело работало в идеальной гармонии с машиной. Это был танец. Смертельно опасный, безумно прекрасный и абсолютно совершенный.

Он обошел Самира на третьем вираже, выбрав траекторию, которая казалась немыслимой, невозможной, и не оставил тому ни шанса, ни сантиметра дороги. Когда он заглушил двигатель на пит-лейн, тишина оглушила. Он снял шлем, встряхнул головой. Эйфория все еще пела в его крови, заставляя сердце биться в лихорадочном ритме.

Самир подъехал следом, с раздражением хлопнув ладонью по ободу руля.

— Черт возьми, Ариф! У тебя там реактивный двигатель от истребителя? Невозможно так входить в повороты! Это против всех законов физики!

— Все возможно, — Ариф широко улыбнулся. Его волосы были влажными от пота, а на лице играл румянец победы. — Нужно лишь родиться с этим чутьем. Или... потратить состояние на машину, которая отвечает тебе взаимностью и понимает с полуслова.

— Да уж, твой «Синий Демон» явно тебя обожает, — Самир фыркнул, доставая две банки холодного энергетика, протянул одну Арифу. — Seriously, Ариф, брось ты эти подпольные забеги, — он блаженно закрыл глаза, поднимая лицо к ночному небу и рукой вычертил воображаемую линию. — Только представь заголовки: «Ариф Аль-Мансури участ-

вует в GT».

Ариф щелкнул кольцом банки, сделал глоток. Горьковатая холодная жидкость вернула его в реальность.

— «Фуад Аль-Рашид» — не подполье, — твердо поправил он. — Он — легенда. Шепот на ветру, который заставляет сердца биться чаще. А Ариф Аль-Мансури — уважаемый директор академии, чья жизнь расписана по минутам. Пусть уж лучше никто не связывает эти два имени. Так... интригующе.

— Интригующе? — Самир усмехнулся. — Или ты просто боишься, что твоя безупречная, вылизанная репутация дельца пострадает, если все узнают, что ты лихач и сорвиголова?

— Моя репутация только выиграет, если люди поймут, что я лучший во всем, за что берусь. В переговорной и на гоночной трассе. Я не разделяю себя на части, Самир. Я — цельный. Ариф и Фуад. Это просто как... разные комнаты в одном доме. В одной я веду дела. В другой — живу. И обе — настоящие. — Он повернулся к другу, и в его глазах горел тот же огонь, что и в кабинете после разгромленной сделки. — Просто мир еще не готов увидеть весь дом целиком.

Самир задумчиво хмыкнул, допивая свой напиток.

— Ну, что сказать... Рад, что хоть здесь, в этой «комнате», ты перестаешь быть статуей. А то в последнее время и впрямь — мраморный принц.

— Ладно, друг, — Ариф многозначительно взглянул на часы и прикинул, что спать ему осталось часа четыре. — Я постараюсь вырваться к тебе в мастерскую завтра: хочу увидеть твоего «американца».

Самир хлопнул его по плечу.

— Хорошо. Но ты не расслабляйся. Жду от тебя ежедневных тренировок, иначе даже такой инженер как я не спасет твою горящую задницу.

Когда черный микроавтобус увозил Арифа обратно в сверкающий город, к жизни Аль-Мансури, он смотрел в темное стекло, на свое смутное отражение. Усталое, но спокойное. Не было раздвоения. Была целостность. Он выиграл сегодня две битвы: одну — силой слова и закона, другую — силой инстинкта и скорости. И обе эти победы были его. Только его.

Глава 3. Ва-банк

Просыпаться в доме Дэвлинов в Абу-Даби было похоже на попадание в эпицентр хорошо отрежиссированного хаоса. Не стрессового, а жизнерадостного, того самого, что заставляет сердце биться чуть быстрее не от тревоги, а от чувства принадлежности. Оливия, спускаясь по лестнице с чашкой кофе, уже слышала симфонию утра.

Рэйф, застегивая манжеты у зеркала в прихожей, говорил по телефону своим «капитанским» голосом: «...слияние с Alamir Air будет завершено к четвертому кварталу, мой совет — увеличить долю сейчас, пока совет директоров не опомнился...» Его образ — безупречный костюм, седеющие у висков темные волосы — был воплощением успеха, выкованного из авиационного алюминия и стальной воли. Акционер, капитан, глава семьи.

Алекс, его отражение в более молодой и дерзкой версии, носился по гостиной, пытаясь засунуть в и без того переполненный рюкзак наушники, пауэрбанк и книгу под сомнительным названием «Психология пилотажа для чайников».

— Мама, ты не видела мои солнцезащитные очки? — кричал он.

— На твоей же голове, гений! — донеслось с кухни.

Мэри, вся в движении, как фокусник, жонглирующий тарелками, успевала разливать смузи, поджаривать тосты и застегивать на маленьком, сонном Эдварде школьную форму. От нее пахло кофе и дорогим цветочным парфюмом.

— Нэд, солнышко, проснись окончательно, — умоляла она, пытаясь впихнуть ему в руку бутерброд. — Мы опаздываем. Через двадцать минут у меня группа новичков, а у тебя — английский.

Эдвард, десятилетний наследник семейной харизмы, клевал носом над тарелкой с хлопьями.

— Не хочу на английский. Хочу с Алексом в Джидду.

— В Джидде, между прочим, тоже есть английский, — парировал Алекс, проходя мимо и беззлобно трепля брата по волосам. — И вообще, мелкий, пока меня не будет, ты здесь за старшего. И помни... — он понизил голос до драматического шепота, замирая в позе пророка, — ...зима близко.

Эдвард оживился.

— Это опять из твоего дурацкого сериала?

— Из великого! — возмутился Алекс. — И кто только

придумал так тебя назвать — Нэд. Прямо напрашивается.

— Ты сам предложил! — напомнила Мэри, пытаюсь найти второй ботинок Эдварда.

— И что? Я был ребенком! Безответственным! — Алекс схватил со стола яблоко и искусно увернулся от ложки, которую в его сторону запустил проснувшийся наконец брат. Все рассмеялись, даже Рэйф, отложивший на секунду телефон, улыбнулся сдержанной, теплой улыбкой.

Оливия прислонилась к косяку, наблюдая за этой картиной, и чувствовала, как что-то болезненно-сладкое и тяжелое сжимает ей грудь. Она любила этот шум. Этот беспорядок. Эту жизнь. Они были ее якорем. И одновременно — клеткой, стены которой были сложены из их любви, их ожиданий и ее собственной лжи.

— Кстати, где Элис и бабушка Кэтрин? — спросила она, отливая себе кофе из французского пресса. Няня Элис и мать Мэри были неотъемлемыми частями этого домашнего космоса.

— Устроили себе девичник! — ответила Мэри, наконец-то запихивая бутерброд в ланч-бокс. — Круиз по Средиземноморью. Неаполь, Палермо, Афины. Элис прислала

вчера фото — они загорают на палубе в огромных шляпах и с коктейлями. Так что у нас тут полная анархия.

— Идиллия, — усмехнулся Рэйф, подходя к Оливии и целуя ее в макушку. — Какие планы, солнышко? Уффици намечается? Или Лувр наш, местный?

Оливия почувствовала, как привычная маска — легкой, слегка отстраненной интеллектуалки — сама напоззает на ее лицо.

— Пока исследую поле для маневра, пап. Возможно, поеду в Европу, посмотрю на места. Много вариантов.

— Выбирай самый красивый, — улыбнулся он, его взгляд был полон одобрения. Бездонного, слепого одобрения, от которого снова стало больно. — Твоя мама бы гордилась.

Упоминание матери, брошенное так невзначай, ударило, как током. Оливия лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Все закружилось с новой силой: Алекс, обнял всех наспех и пообещал привезти из Москвы «нормальные» сувениры, Мэри, уволокла за руку ворчащего Эдварда. Дверь захлопнулась.

Тишина, наступившая после их ухода, была оглушительной. Оливия стояла посреди внезапно опустевшей, огромной гостиной, прислушиваясь к звону в ушах. Два мира. Вот он, разлом. Здесь — тепло, смех, любовь. И там — холодная, одинокая, азартная ставка всего ее существа.

Она не позволила себе думать. Думать было опасно. Действовать — единственный выход.

Поднявшись в свою комнату, она взяла телефон. В списке контактов, между «Дэнни» и «Дантист», было имя: Ахмед.

Они не виделись полгода, но это ничего не значило. Их дружба была из тех, что не ржавеет от времени. Она набрала номер.

Трубку взяли на третьем гудке.

— Если это служба доставки, я ничего не заказывал. Если коллекторы — у меня неприкосновенность. Если девушка, которая звонила вчера — я все еще размышляю над вашим предложением, — раздался насмешливый, бархатный голос с идеальным британским акцентом, лишь слегка окрашенным арабской мелодикой.

Оливия не смогла сдержать ухмылку.

— А если это та самая девушка, что воткнула тебе карандаш в парту в четвертом классе?

На том конце провода наступила тишина, а затем — низкий, искренний смех.

— Оливия «У-меня-акцент-лучше-твоего» Дэвлин. Черт возьми. Я уже думал, ты окончательно погрузилась в изучение потрескавшихся задниц ренессансных амуров и забыла дорогу в реальный мир.

— Задницы, кстати, часто в отличном состоянии. В отличие от твоего чувства такта. Свободен?

— Для тебя, террористка, — всегда. «Ла Фондасьон», через час? Буду в синей рубашке. Попробуй не опоздать, как в тот раз на выпускной.

— Тот раз был особо циничной мезью за твои шутки про мой лондонский «г». Час. И Ахмед... спасибо.

Она положила трубку, уже чувствуя легкое головокружение. Первый шаг был сделан.

«Ла Фондасьон» был одним из тех мест в Абу-Даби, где смешивались миры: бизнесмены в кандурах заключали сделки за традиционным кофе, а европейские экспаты потягивали капучино у барной стойки. Ахмед Аль-Тамими сидел у окна, и синяя рубашка действительно была на нем — шелковая, идеально сидящая по плечам. Он выглядел так, как и должен был выглядеть отпрыск одной из самых влиятельных семей эмирата: безупречно, дорого, с легкой небрежностью. Но в его карих глазах, когда он увидел ее, мелькнула не дежурная вежливость, а настоящая, теплая радость.

— Выглядишь... академично, — сказал он, вставая и целуя ее в обе щеки. — В плохом смысле. Бледно. Стэнфорд высосал из тебя все соки? Или просто в Калифорнии забыла, что такое солнце?

— Очень смешно, — Оливия села напротив, заказала эспрессо. — Ты не меняешься. Все тот же ядовитый хамелеон в дорогой одежде.

— Хамелеон выживает, милая. А я — мастер выживания. В отличие от тебя, похоже. Говори, что стряслось. По твоему голосу в трубке я понял: или ты совершила убийство, или задумала нечто столь же гениальное и безумное.

Она посмотрела ему прямо в глаза, отбросив все светские

уловки. С Ахмедом можно было только начистоту. Он был тем редким человеком в ее жизни, который видел не «дочь Дэвлина», а просто Оливию. Со всеми ее трещинами.

— Мне нужна твоя помощь, чтобы провернуть аферу века. Нет, — поправилась она, увидев, как его брови поползли вверх, — не афера. Мне нужен... менеджер. Сообщник. Прикрытие.

— Звучит еще более преступно, — он откинулся на спинку стула, скрестив руки. — Если откажусь, в этот раз пригвоздишь меня к этому столу не карандашом, а вилок для морепродуктов?

— В меню есть устрицы, — парировала она, но улыбка не дошла до глаз. — Я регистрируюсь на отборочные этапы авиагонок в классе спортивных самолетов. В Джидде, через месяц.

Тишина за их столиком стала почти осязаемой. Шум кофейни отступил. Ахмед не моргнул, изучая ее лицо, как сложный контракт. Потом медленно, очень медленно, свистнул.

— Ну ты даешь, Дэвлин. Серьезно? Гонки? Ты же... ты же ненавидишь все, что связано с полетами. Вернее, так все

всегда думали.

— Все всегда ошибались, — тихо сказала она. — Я летаю. Три года. На Extra 330 SC. Тайно. Но теперь... теперь я хочу большего. Я хочу гонки.

— Чокнутая... — он покачал головой и прикрыл глаза.

Оливия молчала, ждала пока друг все взвесит, примет решение.

— Так, — Ахмед взял свой стакан с мятным лимонадом, сделал большой глоток. Его мозг, вышколенный в лучших школах Швейцарии и нанесший убытков на бирже больше, чем иные государства тратят на оборону, уже работал. — Давай по пунктам. Первое: семья. Рэйф, Мэри, Алекс. Они в курсе?

— Нет. И не должны узнать. Никогда. Для них я уезжаю в культурный тур по Европе, изучать фрески. Мне нужно алиби. Надежное.

— Сложно, но выполнимо. При должных ресурсах след можно запутать. Второе: команда. Гонки — не сольные выступления. Тебе нужен механик. Лучше — целая бригада. Логистика, настройка, техобслуживание на выезде.

— Денег на целую бригаду нет, — отрезала Оливия. — Я все просчитывала. У меня есть сбережения. Пенсионные накопления матери, которые перешли мне. Страховка после... после ее смерти. Трастовый фонд от бабушки с дедушкой. Мои личные накопления за все эти годы.

Она достала из сумки тонкий матовый планшет, открыла файл с таблицами. Это был ее план сражения. Сухой, безэмоциональный, жестокий в своей реальности.

— Самолет — мой. Точнее, он в собственности семьи Дэнни. Я летала на нем. Он уже модифицирован для гонок, доведен до ума. Дэнни продаст его мне за сумму, которая ниже рыночной, но это все равно... огромные деньги. Практически все, что у меня есть.

Ахмед взял планшет, стал листать. Его взгляд стал острым, деловым.

— Логистика. Самолет нужно будет перевозить в разобранном виде как специальный груз между этапами. Джидда... потом, предположим, Европа, если пройдешь отбор. Америка. Это не просто билет на самолет для тебя одной. Это контейнеры, таможня, страховка на перевозку, сборка-разборка на каждом новом месте. — Он посмотрел на нее.

— Твоих денег, даже если ты купишь самолет, хватит максимум на два-три этапа. И то впритык, питаюсь сухой лапшой и ночуя в ангаре.

Сердце Оливии упало, но она знала это. Слышать это вслух было больнее.

— Знаю. Поэтому мне нужен спонсор. Хотя бы один. Чтобы покрыть логистику, базовые расходы. Зарабатывать буду сама — призовыми, если повезет.

— «Если повезет», — Ахмед усмехнулся беззлобно. — Оливия, ты лезешь в мир, где крутятся миллионы. Где у пилотов за спиной энергетические гиганты, телеком-компании, наследные состояния размером с небольшое государство. У тебя есть талант? Верю на слово. Желание? Сомнений нет. Но в этом мире этого мало. Нужна либо бешеная удача, либо очень влиятельный друг.

— У меня есть влиятельный друг, — тихо сказала она, глядя на него. — Он сидит напротив.

Ахмед замер. Потом потер переносицу, вздохнул.

— Черт. Ты знаешь, как играть на чувствах.

— Ахмед, — Оливия облизнула пересохшие губы. Она просила слишком много. — Мне без тебя не справиться.

Он посмотрел на нее тяжелым взглядом, отвернулся, качая головой. Молчание затягивалось, а надежда таяла с каждой секундой. Не стоило...

— Не будь я конченным авантюристом, а ты — моей подругой... Я бы отказался. — он сделал паузу. — И менеджер, в общем-то, из меня паршивый, но устроить тебе встречи с нужными людьми, покачать старые связи... это я могу.

Оливия чуть не подпрыгнула на стуле:

— Боже! Ты... ты согласен?

— Я в деле, — с улыбкой кивнул он. — При одном условии.

— Любом.

— Будь чертовски осторожна. Не геройствуй. Если что-то пойдет не так, если почувствуешь, что не тянешь — бросаешь. Не из-за денег. Из-за них, — он кивнул в сторону, словно указывая на виллу Дэвлинов. — Ты им нужна целой.

Оливия кивнула, комок в горле мешал говорить.

— Что насчет механика? — спросил Ахмед, возвращаясь к деловому тону. — Один, но очень-очень хороший. Без него никак.

— Есть мысли?

— Есть один человек. Гений. Немного... эксцентричный. Работает в основном на исторические ретро-автомобили, но его дядя держит мастерскую по обслуживанию частных самолетов. Он с пеленок с техникой на «ты». Зовут Ясин. Я его вытащил из серьезной передряги пару лет назад, он мне должен. И он умеет молчать.

— Надеюсь, лучше, чем ты, — Оливия позволила себе слабую улыбку.

— Со мной ты просто не умеешь договариваться, — парировал Ахмед, но в его глазах сверкнул азарт. Старый, знакомый азарт от предвкушения авантюры. — План такой. Первое: ты связываешься с Дэнни, заключаешь сделку по самолету. Второе: я договариваюсь с Ясином. Объясняю ситуацию. Третье: мы ищем спонсора. Не крупного, на первых порах хватит и локального — какой-нибудь бренд роскоши из ОАЭ, которому понравится история «женщины-пилота

из региона». Это продается. Четвертое: прорабатываем легенду для семьи. «Культурный тур» с углубленным изучением... скажем, архитектуры барокко в Южной Европе. Я обеспечу фальшивые билеты, бронирования, даже пару подставных знакомых «искусствоведов», которые будут периодически звонить тебе при твоих домашних. Соцсети? Ведешь блог об искусстве. Красивые фото, глубокомысленные цитаты. Контент можно готовить заранее и выкладывать по расписанию.

Оливия слушала, и страх понемногу отступал, сменяясь чем-то новым. Уверенностью. Оливия почувствовала, как после слов друга расправились ее плечи и она смогла вдохнуть. Он был гением. Безбашенным, циничным, но гением.

— Ахмед... я не знаю, как тебя благодарить.

— Выиграй, — коротко сказал он. — Это будет лучшая благодарность. И адреналин, который я получу, наблюдая за этим, пока мои скучные фонды приносят скучный доход. Ладно, начинаем. Позвони Дэнни. Прямо сейчас. Пока не передумала.

Она взяла телефон, нашла номер. Рука дрожала лишь слегка. Дэнни ответил почти сразу, его голос был полон солнечной калифорнийской энергии.

— Лив! Соскучилась?! Одолели олигархи с дурным вкусом?

— Пока нет, — она сделала глубокий вдох. — Дэн, мне нужен «Воробушек». Насовсем. Я хочу его купить. По твоей цене, какой бы она ни была.

На той стороне воцарилась тишина. Потом раздался свист.

— Вау. Это... неожиданно. Ты серьезно? Что случилось?

— Я регистрируюсь на отборочные в Джидде. Мне нужен мой самолет. Здесь. Как можно скорее.

На этот раз пауза затянулась. Когда Дэнни заговорил снова, в его голосе не было ни шуток, ни удивления. Была твердая, серьезная поддержка.

— Все понятно. Ни слова больше. Цену назову символическую — ровно столько, сколько вложили родители в первоначальную покупку, без учета моих доработок. Они будут рады, что он останется в семье, так сказать. Документы оформлю. Но, Лив... ты знаешь, что делаешь?

— Нет, — честно призналась она. — Но я должна это сде-

лать.

— Тогда лети, ястреб, — сказал он, и она услышала в его голосе улыбку, уверенную и гордую. — Отправлю его тебе в лучшем виде и упакую, как дорогую невесту. Дай адрес, куда грузить, и контакты твоего человека на месте. И, Оливия... удачи. По-настоящему.

Она закончила разговор, чувствуя, как что-то огромное и необратимое сдвинулось с места. Ахмед наблюдал за ней, потом кивнул.

— Отлично. Первый камень лег. Теперь Ясин. — Он набрал номер, отошел на пару шагов, говорил быстро и жестко по-арабски. Оливия уловила только обрывки: «...дело абсолютной секретности... твой долг... техника уровня... да, самолет...». Через пять минут он вернулся.

— Встреча завтра, на его территории. Он хочет увидеть спецификации самолета и... тебя. Говорит, машина — это одно. А пилот — это все. Если ты ему не понравишься, откажет, даже если я буду грозить ему отправить назад в ту самую передрагу.

— Справедливо, — сказала Оливия. Она нервничала из-за этой встречи, но бояться было уже некогда.

Они провели еще час, просчитывая грубую смету, небрасывая список потенциальных спонсоров. Цифры пугали. Перспективы были туманными. Но был план. Были сообщники. Была машина, которая летела к ней через океан.

Когда они вышли из кафе, жара ударила в лицо, но Оливия ее почти не чувствовала. Ахмед положил руку ей на плечо.

— Завтра, в четыре, я заеду за тобой. Готовься к исповеди и техническому собеседованию одновременно. И, Оли... — он посмотрел на нее, и в его глазах исчезла вся бравада, осталась только братская тревога. — Ты действительно готова на это? На двойную жизнь? На то, что одна ложь потянет за собой десяток других? Что в один день эти миры могут столкнуться?

Она посмотрела на сверкающие на солнце фасады небоскребов, представив где-то там, за морем, алый силуэт «Экстры».

— У меня нет выбора, Ахмед. Я пробовала жить в одном мире. Почти умерла там от тоски. Если я разобьюсь... — она замолчала, потом закончила уже шепотом, — ...то хотя бы буду знать, что шла к своей пропасти, а не к чужой.

Он ничего не сказал, лишь сжал ее плечо и ушел к своему низкому, серебристому Aston Martin.

Оливия осталась одна на раскаленном тротуаре. В сумке у нее лежал планшет с таблицами, обрекающими ее на финансовую пропасть. В голове звучал голос Дэнни: «Лети, ястреб». В сердце — образы улыбающихся лиц отца, Мэри, Алекса, Эдварда.

Она достала телефон и сделала то, что должна была сделать. Поставила на фоновый экран фотографию с мамой. Потом открыла мессенджер и написала Мэри: «Дорогая, завтра, кажется, поеду на день-другой в Шарджу, там открылась интересная выставка современной арабской каллиграфии. Вдохновляюсь!»

Ложь легла на язык с горьковатым, знакомым привкусом. Первая из многих.

Она пошла по улице, и каждый шаг отдавался эхом в ее груди. Игра началась. Ставка — всё. А выигрыш... выигрышем была она сама. Та, кем она боялась стать. Та, кем она была всегда.

Где-то высоко в небе, на пути из Лос-Анджелеса, летел

разобранный, упакованный в специальный контейнер алый самолет с белой молнией вдоль фюзеляжа. Его звали «Воробушек». Но он вез своей хозяйке крылья ястреба.

Глава 4. Столкновение в Джидде

Воздух в салоне «Аэробуса» был спертым и обезвоженным, пах переработанным кислородом, чужими духами и смиренной покорностью долгого перелета. Оливия прильнула к иллюминатору, вжимаясь лбом в прохладное стекло, словно пыталась слиться с ним в единое целое. Внизу, под крылом самолета, расстилалась Саудовская Аравия. Не золоченые песчаные дюны из рекламных проспектов, а суровая, каменистая пустыня, простиравшаяся до самого горизонта, подернутая зыбкой дымкой зноя. Беспощадная, величественная, почти инопланетная в своей безжизненной красоте. Где-то там, на самом краю этого выжженного моря, была Джидда. Ее Джидда. Тайная. Личная. Место, где она, наконец, сможет вдохнуть полной грудью.

Ее пальцы непроизвольно сжали стакан с водой. Две недели. Всего две недели прошли с того дня, когда она сидела с Ахмедом в кафе в Абу-Даби и строила воздушные замки из страха и дерзости. За это время мир перевернулся. Вернее, она сама его перевернула.

Вспоминалось, как на следующий день после того разговора Ахмед забрал ее на своем Aston Martin и повез на окраину города, в промышленную зону, где среди серых складов ютилась ничем не примечательная мастерская с вывеской «Ясин Престиж». Звук из-за ворот доносился обещающий — рокот мощного двигателя, лязг металла, приглушенная арабская рок-музыка.

— Он гений, но чудак, — предупредил Ахмед, выключая зажигание. — Не обращай внимания на манеры. Их у него, по сути, нет. Сначала проверит тебя, потом — твою машину. Если что-то не понравится — все, хоть головой об стенку бейся.

Ясин оказался мужчиной лет тридцати, с руками, покрытыми тонкой паутиной шрамов и пятнами машинного масла, которое, казалось, въелось в кожу навсегда. Он носил темные, спутанные волосы, собрав их в небрежный хвост, и смотрел на мир прищуренными, недоверчивыми глазами. Когда Ахмед представил Оливию как «того самого пилота», Ясин лишь фыркнул, отложил гаечный ключ и медленно обошел ее кругом, изучая так, будто она была подержанным двигателем с сомнительной историей.

— Ахмед говорит, ты летаешь на «Экстра», — голос у него был хриловатый, от постоянного крика над шумом

техники. — Модификации?

Оливия, собрав всю свою уверенность, начала перечислять: измененная геометрия крыла, усиленная рама, топливная система... Она говорила техническим языком, которым овладела за годы тайных тренировок и ночей, проведенных за изучением мануалов. Ясин слушал, не перебивая, его лицо оставалось каменным.

— Теория — это хорошо, — перебил он ее на полуслове. — А на практике? Мертвые петли, штопор, перегрузки под шесть g? Или только по прямой летаешь, как бабушка в воскресенье?

Это было уже слишком. Обида и ярость, всегда дремавшие где-то близко к поверхности, вспыхнули.

— Если вам нужна бабушка, она, наверное, в соседней мастерской вяжет носки, — парировала она, поднимая подбородок. — Моя «бабушка» выходит из штопора на ста метрах, а мертвую петлю крутит так, что у наблюдателей желудок выворачивает. Вопрос в том, сможете ли вы поддерживать ее в состоянии, чтобы она это делала, или вам больше по душе кастомизировать тачки для мальчиков, которые гоняют по набережной, пугая чаек?

Ахмед замер, ожидая взрыва. Но Ясин... Ясин усмехнулся. Впервые. Уголок его рта дрогнул, и в глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Чай, — бросил он неожиданно и, не дожидаясь ответа, направился к закопченному чайнику в углу. — С сахаром? Или как все пилоты — без, чтобы не трясло?

— С сахаром, — сказала Оливия, чувствуя, как напряжение немного спало. — И покрепче. Кажется, нам предстоит долгий разговор.

Разговор и правда затянулся на несколько часов. Они сидели среди разобранных двигателей и кузовов ретро-автомобилей, потягивая сладкий, обжигающий чай, и говорили о самолетах. Сначала настороженно, с пробными выпадами, потом все азартнее. Оливия рассказывала о своем «Воробушке», о его капризах, о том, как он ведет себя на предельных скоростях. Ясин кивал, вставлял замечания, которые показывали глубочайшее понимание механики не только автомобилей, но и авиации. Он засыпал ее вопросами, некоторые казались подвохом, но она, к своему удивлению, отвечала. Она говорила о том, о чем никогда не говорила ни с кем, кроме Дэнни, — о тонкостях управления, о страхе, который превращается в концентрацию, о том, как машина становится продолжением твоего тела.

Ахмед наблюдал за ними с довольной ухмылкой, понимая, что эта безумная авантюра обретает своего самого важного после пилота человека.

— Ну что? — спросил он, когда они наконец вышли из мастерской в прохладу вечера. — Он тебя принял?

— Он принял самолет, — поправила Оливия, но в голосе ее звучало облегчение. — А меня... пока терпит. Сказал, что прибудет в Джидду на неделю раньше, чтобы лично принять и собрать «Экстру», когда ее доставят. И чтобы «не дать местным ковбоям развалить ее на запчасти».

Две недели после этого пролетели в бешеном ритме. Ахмед, используя свои связи, обеспечил легальность псевдонима «Эмили Дрейк» и организовал «культурный тур» по Италии для легенды. Были куплены билеты, сделаны брони в отелях, даже нанят удаленный помощник, который периодически выкладывал в специально созданный блог красивые фото якобы из Флоренции и Рима с глубокомысленными цитатами об искусстве Ренессанса. Для семьи Оливия была там. На самом деле она проводила дни на крошечном частном аэродроме за городом, где Ясин, получивший от Ахмеда аванс, арендовал ангар и притащил свое оборудование. Они готовились. Не к полетам — самолет был еще в пути, — а

к работе в команде. Ясин тестировал ее знания, заставлял разбирать и собирать на время узлы и агрегаты на учебных макетах, объяснял, как будет проходить экстренный ремонт в условиях гонки. Он был безжалостным учителем, но справедливым. И по мере работы исчезла последняя настороженность, родилось взаимное уважение, почти дружба. Он стал называть ее «капитан» — всегда с легкой иронией, но в голосе звучало признание.

А потом пришло сообщение от Дэнни: «Воробушек в пути. Направляю напрямиком в ангары Академии JAM в Джидде». И Ахмед вручил ей билет: «Поезд отправляется, золушка. Твой бал в Джидде. Готова?»

Готова ли она? Сердце колотилось в груди, как птица в клетке. Она никогда не была так не готова и так счастлива одновременно.

Самолет пошел на снижение, и Оливия почувствовала знакомое щемящее чувство в груди — сладкую и одновременно горькую смесь тревоги и предвкушения. Она нарушила все негласные договоренности с семьей, все их тихие, полные надежды ожидания. Она, Оливия Дэвлин, дипломированный искусствовед, выпускница Стэнфорда, прятала в потрепанном, выдавшем виды рюкзаке летный комбинезон и лицензию пилота.

Она просто... скрывала. От отца, чей усталый, исполненный затаенной боли взгляд всегда следил за ней, словно он боялся отпустить ее слишком далеко от земли. От Мэри, которая так искренне хотела для нее спокойной, предсказуемой, нормальной жизни... От Алекса, который был тут, в этом же городе, и не подозревал, что его «земная» сестра готовится штурмовать небо в нескольких километрах от его академии. Эта мысль вызывала леденящий холодок вины под ребрами. Она написала ему, что улетает в Италию, и он, бедный, отправил ей список достопримечательностей Флоренции, которые «обязательно нужно увидеть». Ложь горьким комком стояла в горле.

Шасси с глухим стуком коснулись полосы. Рев двигателей сменился натужным, яростным воем реверса, вжимающим ее в кресло. Она здесь. Переступила порог. Сожгла мосты.

Двери открыли, и волна горячего, плотного воздуха вкатилась в салон, сбивая дыхание. Это был не влажный, удушающий жар Абу-Даби, а нечто иное — сухое, раскаленное дуновение из гигантской печки, обжигающее губы и заставляющее щуриться. Оливия поправила ремень рюкзака на плече и слилась с пестрой, нетерпеливой толпой пассажиров, движущейся к терминалу.

Внутри было прохладно и просторно, до стерильности. Современный аэропорт имени короля Абдулазиза был огромным, сияющим пространством из стекла и светлого мрамора, где причудливо и гармонично переплетались традиционная арабская архитектура с ее арочными сводами и футуристический дизайн. Пространство гудело, как гигантский улей, наполненный голосами на десятках языков, объявлениями на арабском и английском, настойчивым гулом багажных тележек.

Оливия шла, стараясь не глядеть по-деревенски, но всей кожей поглощая окружающую ее реальность. Женщины в черных абаях и никабах скользили мимо, словно тени, рядом с девушками в облегающих джинсах и ярких футболках, с непокрытыми ветренными волосами. Мужчины в безупречно белых одеждах и в строгих европейских костюмах. Этот контраст завораживал, будоражил кровь. Это была не закрытая, закостеневшая в традициях страна из учебников истории, а живой, пульсирующий организм, разрывающийся между прошлым и будущим, и в этом кипении было что-то дико притягательное.

Ей нужно было пройти паспортный контроль, найти багажную карусель — хотя весь ее багаж был за спиной, — затем отыскать трансфер до отеля. План выстроился в голове четко и ясно, как схема полетов. Она двигалась на авто-

мате, отмечая указатели, наслаждаясь головокружительным чувством полной анонимности. Здесь ее никто не знал. Она была чистым листом. Эмили Дрейк. Пилот. И этот лист она собиралась заполнить скоростью и свободой.

Именно в этот момент ее маленький, отлаженный мир сузился до точки острой, невыносимой боли в плече, за которым последовал глухой удар чем-то твердым по ноге. Оливия едва удержалась на ногах, сделав нелепый, неуклюжий пируэт и наступив кому-то на ногу всей тяжестью своего невысокого спортивного тела. Рюкзак съехал на бок, болезненно дернув за лямку.

— Вот черт! — раздался возглас прямо над ее головой — низкий, бархатный, переходящий от арабского возмущения к беглому, идеальному английскому. В его интонации сквозило не просто раздражение, а неподдельное изумление, что кто-то посмел преградить ему путь. — Вы вообще смотрите, куда идете? Или у вас глаза только для созерцания потолка?

Оливия отпрыгнула, как ошпаренная, с силой дергая ремень рюкзака на место. Ее взгляд, вспыхнувший от боли и гнева, столкнулся с взглядом человека, которого она только что атаковала. В идеально сидящих на нем зауженных брюках цвета хаки, она бы поклялась, от Vgioni или чего-то столь же недоступного, и простой, но безумно дорогой на вид тем-

ной рубашке из тончайшего египетского хлопка. Солнечные очки скрывали его глаза, но не могли скрыть гримасу раздражения на его лице. Он потер лодыжку, куда она пришлась каблуком своих прочных треккингowych ботинок.

Гнев, горячий и мгновенный, вспыхнул в ней, смывая всю осторожность. Это он пятился задом, не глядя, прямо на нее, размахивая этим чертовым кожаным портфелем, который и угодил ей сначала в плечо, а потом в ногу!

— Обычно я предпочитаю традиционное рукопожатие для приветствия, — выпалила она, поднимая подбородок и пытаясь заглянуть ему под темные, непроницаемые стекла очков. — Но для этого нужно иметь привычку смотреть, куда идешь. Вы, видимо, считаете, что воздух расступается перед вами по умолчанию. Жаль, мой рюкзак и я об этом не знали.

Мужчина замер, его рука застыла на лодыжке. Он медленно, почти с театральной, раздражающей неспешностью, выпрямился. И, наконец, снял очки.

Он оказался... красив? Смуглая, гладкая, безупречно ухоженная кожа. Густые, темные брови, изломленные с гордым, почти вызывающим изгибом. Длинные, густые ресницы, которым позавидовала бы любая женщина. И глубокие янтарные глаза, которые сейчас метали короткие, колкие молнии.

Но за мгновенной вспышкой гнева в них читался иной, более опасный огонь — изучающий, цепкий, мгновенно сканирующий и вычисляющий слабости.

— По умолчанию? Нет, — он улыбнулся. Улыбка была ослепительной, идеально белой и на сто процентов фальшивой. — Обычно я просто плачу впередсмотрящему. Сегодня, видимо, он решил взять отгул. Или его сбила с ног какая-нибудь торпеда в ботинках на микроволновой тяге. — Его взгляд скользнул по ее обуви с явственным пренебрежением.

Оливия фыркнула, ощущая мгновенный щелчок внутри — реакцию на несправедливую атаку и наглость, возведенную в абсолют.

— Жаль, что сэкономили на уроках вежливости, — заметила она, нарочито медленно перекидывая рюкзак на другое плечо, демонстрируя, что «торпеда» ничуть не пострадала. — Ущерб вашим прекрасным туфлям и вашей ноге, полагаю, покрывают мои извинения? Или вам требуется материальная компенсация? — Она специально скользнула взглядом по его безупречному виду, давая понять, что поняла его «ценовую категорию» и считает этот пафос нелепым.

Он медленно и оценивающе окинул ее взглядом, задер-

жался на вздернутом подбородке, прошелся по простой хлопковой футболке, поношенным практичным штанам и прочным ботинкам. В его глазах мелькнуло острое, заинтересованное любопытство, смешанное с досадой. Он явно не привык, чтобы ему отвечали в таком тоне, особенно кто-то, кто выглядел как... как она.

— Компенсируйте тем, что в следующий раз будете смотреть под ноги, а не наверх, — он снова надел очки, одним элегантным движением отрезав возможность дальнейшего диалога. Его лицо снова стало гладким, холодным и непроницаемым, как маска. — В небе вы, я смотрю, не парите, а под ногами у нас все же твердая земля. И на ней принято уступать дорогу, — добавил он с легким пренебрежением.

Это было уже слишком. Намек на то, что она какая-то недотёпа, мечтающая о небе и не видящая ничего под носом, задел ее за живое куда сильнее, чем удар портфелем. Он, этот самодовольный павлин, не мог и помыслить, что стоит как раз напротив того, кто парит в небе куда выше и свободнее, чем он когда-либо мог себе позволить.

— Спасибо за наставление, — сказала она сладким, ядовитым тоном. — Обязательно учту его, когда буду обходить на взлетно-посадочной полосе неповоротливые, высокомерные препятствия. Приятного вам дня. И удачи с поиском но-

вого впередсмотрящего. Должен же он, в конце концов, вернуться с отгула.

Она видела, как его губы плотно сжались, мускул на его идеально выбритой щеке едва заметно дернулся. Он сделал шаг в сторону, давая ей пройти. Театральный, вымученный жест великодушия победителя, снизошедшего до ссоры с незначительным, но докучливым насекомым.

Оливия кивнула с преувеличенной, почти шутовской учтивостью и прошла мимо, поймав на себе его взгляд, который, ей показалось, проводил ее до самых стеклянных дверей, ведущих к паспортному контролю.

Сердце ее бешено колотилось, выстукивая яростный ритм возмущения. «Ну и тип, — пронеслось в ее голове, пока она занимала очередь. — Красивый, самовлюбленный идиот в дорогих брюках. Хорошее начало, Оливия. Очень хорошее. Плюнуть бы ему в лицо в аэропорту этой, в общем-то, приличной страны». Девушка мысленно похвалила себя за сдержанность.

Ариф проводил ее взглядом, с трудом сдерживая волну раздражения, смешанную с чем-то еще, что он не желал признавать. Он торопился встретить партнера из Сингапура, важного поставщика авиационных симуляторов для акаде-

мии, а какая-то дерзкая... мышь... с глазами цвета северного моря и острым языком устроила ему сцену посреди терминала.

Он посмотрел на свой ботинок от Berluti. На лакированной коже четко проступал след от рифленой подошвы. Вот черт! Он с досадой потер его пальцем, вскипая еще сильнее. И ведь это она врезалась в него! С разбегу! С этим своим дурацким, безвкусным рюкзаком, набитым, будто на спор, всем самым угловатым и твердым на свете.

Ариф отряхнул невидимую пыль с рукава, его взгляд машинально отметил ее фигуру, исчезающую в толпе. Ни капли смущения. Ни тени подобострастия, к которому он привык в своем окружении. Наоборот — чистый, неразбавленный вызов. Его губы сами собой растянулись в едва уловимой, произвольной ухмылке. Мышь. Да, именно. Маленькая, серая, невзрачная с виду, но крайне кусачая и юркая. С глазами, которые вонзились в него с такой яростью и холодным огнем, что он почти физически это ощутил, словно прикосновение льда к раскаленной коже.

Он почувствовал всю абсурдность ситуации. Ариф Аль-Мансури, один из самых влиятельных молодых людей в городе, стоял посреди аэропорта и размышлял о какой-то взъерошенной, плохо одетой иностранке, которая наступила ему на

ногу и обозвала «неповоротливым препятствием».

Где-то в толпе его уже, наверное, заждался господин Вонг. Ариф резко вздохнул, снова надел маску делового, невозмутимого спокойствия и крупными, уверенными шагами пошел навстречу своему гостю, отодвинув инцидент на самую периферию сознания. Были дела поважнее. Гораздо важнее. Хотя... фраза «на взлетно-посадочной полосе» застряла в мозгу, как заноза. Слишком специфично. Слишком... из его мира.

Офицер паспортного контроля бросил на Оливию беглый, сонный взгляд, промотал страницы ее британского паспорта с визой, ткнул печатью с глухим стуком и кивком указал ей пройти. Никаких вопросов. Никакого интереса к девушке с уставшим лицом туриста. Она прошла дальше, к багажным каруселям, хотя ее багаж скромно висел за спиной. Нужно было просто сориентироваться в пространстве, дать себе время прийти в себя.

Ее телефон завибрировал. Сообщение от Ясина. Не письмо, не звонок — именно сообщение, краткое и по делу, как и все, что он делал:

«Капитан. Самолет в ангаре 3, сектор Delta. Собрал, обкалал. Живой и злой, скучает. Координаты и пропуск вышлю

на почту. Завтра в 7 утра будь здесь. Не опаздывай. Хочу посмотреть, на что ты способна, прежде чем эти клоуны начнут носиться по трассе».

Она улыбнулась, чувствуя, как тревога отступает, заменяясь жгучим нетерпением. Он был уже здесь. Ее «Воробушек». И ее механик, который за две недели из подозрительного недоброжелателя превратился в союзника.

Она нашла выход, где толпились таксисты. К ней тут же подошел молодой парень в безупречно белом тебе.

— Такси, мисс? Отель? — спросил он, улыбаясь.

— Да, пожалуйста, — кивнула Оливия, возвращая улыбку. — Jeddah Marina.

Он повел ее к современному белому седану. Загрузив рюкзак в багажник, она опустилась на прохладное кожаное сидение. Машина тронулась, плавно выезжая на широкий, залитый солнцем хайвей.

Вид из окна завораживал, вытесняя из памяти досадную стычку в аэропорту. Слева простиралась бирюзовая, сверкающая гладь Красного моря с белоснежными яхтами и стремительными прогулочными катерами. Справа вздымался со-

временный мегаполис — сверкающие небоскребы причудливых, футуристических форм, огромные торговые центры, яркие рекламные билборды. Это была не та Саудовская Аравия, которую показывают в мировых новостях. Это был богатый, динамичный, дерзко устремленный в будущее город. Она увидела огромные, стильные буквы на одном из ближайших зданий — «JAM». Сердце ее екнуло. Академия скорости имени Джималия Аль-Мансури, куда поступил Алекс. Личная победа его детей, которые, вопреки всему, смогли проложить дорогу для других. Мир был тесен и ироничен. Она была здесь, под самой вывеской академии, где учился ее брат, скрываясь под чужим именем, чтобы сделать то, о чем он мог только мечтать. Горечь и сладость смешались в один странный, терпкий коктейль.

Таксист, представившийся Фахадом, охотно играл роль гида, видя ее интерес.

— Это Корниш, набережная. Вечером тут все гуляют, очень красиво, музыка, фонтан. А это новый бизнес-район. Вон тот небоскреб — самое высокое здание в городе. А это наш фонтан, короля Фахда, самый высокий в мире, вы вечером увидите, он светится разными цветами. Видите вон там, над водой? — он показал пальцем в сторону моря, где вдалеке виднелись какие-то странные, похожие на гигантские пилоны конструкции, стоящие прямо в воде. — Это

для авиагонок. Воздушные ворота. Скоро начнутся тренировки. Очень зрелищно. Самолеты носятся между ними, как ласточки. Очень низко над водой. Страшно и красиво.

Оливия присмотрелась. Трасса пролегла над водой, чтобы в случае чего последствия были минимальны. Но от этой мысли не становилось спокойнее. Низко над водой, на бешеной скорости, пилотировать машину, которая реагирует на малейшее движение руки... Даже мысль об этом заставляла кровь бежать быстрее. Страх и вожеление. Две стороны одной медали.

— Да, — тихо сказала она. — Должно быть, очень красиво.

Отель Jeddah Marina оказался современной башней на самой набережной. Процедура заселения прошла быстро и гладко. Девушка-администратор с безупречным макияжем и таким же безупречным английским вручила ей карту-ключ.

— Номер 1207, с видом на море, мисс Дрейк. Желаем вам приятного пребывания в Джидде. Регистрация на авиагонки проходит в холле конференц-центра с девяти утра. Вот ваш welcome pack с картой и расписанием.

Эмили Дрейк. Она откликнулась на это имя без малейшей

запинки, и это поразило ее саму. Легенда начинала обрывать плоть.

В номере она сбросила рюкзак на огромную кровать, подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Где-то там, на другом конце города, в ангарах академии JAM, был аэродром. Ее самолет. Завтра. Завтра она увидит его, прикоснется к нему, почувствует его как продолжение себя. И Ясин будет там. Будет наблюдать, оценивать. Не как зритель, а как часть команды. Ее команды. Пока что состоящей из трех человек и одной безумной идеи.

Ужин она решила провести, сидя на балконе и наблюдая, как огромное багровое солнце медленно садится в море, окрашивая небо и воду в невероятные, почти неестественные оттенки огня, розового золота и глубокого пурпура. На набережной внизу зажигались тысячи огней, загуляла вечерняя толпа — семьи с детьми, компании молодых людей, даже несколько парочек, держащихся за руки. Было шумно, оживленно, весело и, что самое главное, абсолютно безопасно.

Она допила кофе, забралась в огромную, мягкую кровать и утонула в белоснежных подушках. За окном шумела, гудела, жила Джидда, похожая на гигантский, никогда не засыпающий организм. Оливия была одна в незнакомом городе, далеко от дома, под чужим именем, с грузом лжи на душе.

И она никогда в жизни не чувствовала себя такой по-настоящему свободной, словно она была... на своем месте.

Последней мыслью перед тем, как погрузиться в глубокий, заслуженный сон, был образ алого крыла, режущего безупречную синеву неба между стальными пилонами над водой. Образ нахального незнакомца из аэропорта был стерт, как незначительный след от ее ботинка на глянцевом полу терминала. Впереди было небо. Только небо.

Ариф Аль-Мансури провел встречу с господином Вонгом на автопилоте, заученно и безупречно. Он был вежлив, остроумен, убедителен — идеальный хозяин и проницательный бизнес-партнер. Он договорился обо всех деталях контракта на поставку симуляторов, посадил слегка ошеломленного скоростью и эффективностью гостя в машину с личным водителем, пообещав встретиться за ужином.

И только оставшись один в своем просторном, минималистичном кабинете на верхнем этаже офисного здания академии, он позволил себе расслабиться. Снял пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки, подошел к панорамному окну, занимавшему всю стену.

Его мысли, упрямые и нежеланные, снова вернулись к ней. К этой девчонке. Ее лицо. Глаза. Не серые и не голубые,

а скорее цвета моря у скалистых норвежских фьордов — холодные, чистые, бездонные, таящие в себе бурю. И полные огня. Ярости и насмешки. Как она посмотрела на него! Будто это он был виноват. Будто это он ворвался в ее пространство, а не наоборот.

Он усмехнулся про себя, глядя на свой идеально отполированный ботинок. След почти не был виден. «Неповоротливые, высокомерные препятствия». У нее был словарный запас. И смелости не занимать. Большинство женщин — да и мужчин тоже — столкнувшись с ним в подобной ситуации, либо робели, либо начинали заискивающе извиняться, либо, что хуже, пытались кокетничать. Эта же... эта напала словно внезапная, яростная песчаная буря.

Кто она такая? Туристка-бэкпекер? Слишком умная в своей дерзости. Студентка? Маловероятно. Слишком самостоятельный, почти боевой вид. Он поймал себя на том, что пытается реконструировать ее образ в памяти, как сложную головоломку. Сколько ей? Двадцать два? Двадцать пять? Максимум. Американка? Британка? Определенно не местная. И определенно не та, с кем ему следовало бы тратить время на размышления.

Он с силой отмахнулся от этих мыслей, как от назойливой, жужжащей мухи. Глупость. Какая-то случайная, досад-

ная стычка в аэропорту. Он ее больше никогда не увидит. В городе три миллиона человек. Вероятность ничтожна. Практически равна нулю.

Ариф сел за компьютер, решительно открыл почту. Письмо от сестры, Аиши. Милое, но твердое напоминание о торжественном приеме в академии. Он пролистал вложенные списки новых студентов. Его взгляд зацепился за знакомую фамилию. Алекс Дэвлин. Так. Мальчик подросток. Поступил к ним. Мир, и правда, до смешного тесен.

Мужчина откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, пытаясь прогнать усталость. Нет. Нужно было отбросить эти бесплодные мысли и погрузиться в рабочие документы. Впереди был долгий, утомительный ужин с сингапурским партнером, а завтра — личная инспекция летного поля перед началом соревнований, на которую его сестра просто не успевала. Никаких ошибок. Никаких сюрпризов. Все должно было пройти идеально.

Но где-то на самом дне сознания, как крошечная, острая заноза, засела интересная мысль. Он оказался сегодня в ситуации, которую не смог предугадать, и столкнулся с девочкой, на которую его коронный «взгляд Аль-Мансури» не произвел ровно никакого впечатления. И это его беспокоило.

Гораздо больше, чем следовало бы.

Глава 5. Первое касание

Утро в Джидде началось с приглушенного гула города за стеклом панорамного окна и с горизонта, окрашенного в персиковые и лиловые тона. Оливия проснулась еще до будильника, ее тело, все еще жившее по калифорнийскому времени, было наполнено нервной, живой энергией. Сегодняшний день был днем ее настоящего прибытия. Не в отель, не в туристическую Джидду, а туда, где заканчивалась земля и начиналось ее все.

Она приняла быстрый, бодрящий душ, надела простые хлопковые штаны и футболку — рабочую униформу пилота, собрала волосы в тугий, небрежный хвост. Завтрак пропустила, ограничившись крепким черным кофе из кофеварки в номере. В горле стоял комок предвкушения, и еда казалась невысказанной.

Трансфер на аэродром был подан точно по расписанию. Современный микроавтобус с логотипом авиагонок забрал ее и еще нескольких пилотов из разных отелей. Дорога заняла около сорока минут. Городской пейзаж постепенно сменялся индустриальным, а затем и вовсе уступил место плоской, каменистой равнине, упирающейся в линию моря.

И вот он — аэродром академии JAM.

Проверка документов на КПП, еще одна — на въезде на летное поле. И наконец, микроавтобус остановился возле ряда огромных белых ангаров. Воздух здесь был иным. Густым, насыщенным, с немыслимым коктейлем запахов — едкой сладостью авиационного керосина, горьковатым ароматом раскаленного на солнце металла, свежей краской и... свободой. Это был запах ее детства, ее тайных полетов с Дэнни, ее настоящей, скрытой от всех жизни.

Сердце ее колотилось не от волнения, а от глубокого, животного узнавания. Это был не просто аэродром. Это был портал. Дверь в ту единственную реальность, где она была по-настоящему собой. Оливия Дэвлин осталась в номере отеля. Здесь была только Эмили Дрейк.

Она получила свою схему расположения ангаров и, отклонив предложение помощи с багажом, двинулась по указателям. Ей нужно было найти свой бокс, свой ангар. Ее самолет. И ее механика.

Жара на летном поле была не просто горячей, а сконцентрированной, сфокусированной, как солнечный луч через лупу. Она жгла кожу через ткань футболки, заставляла воз-

дух над асфальтом дрожать и искриться, искажая очертания далеких ангаров и припаркованных самолетов. Оливия шла, не обращая внимания на дисконфорт, ее взгляд скользил по рядам крылатых машин — кто-то побольше, кто-то поменьше, все надраенные до зеркального блеска, готовые к состязанию. Десятки пилотов, механиков, организаторов сновали между ними, создавая атмосферу напряженного, делового муравейника.

И тогда она увидела его. Не сразу. В конце длинного ряда, чуть в стороне, будто сторонился общей суеты, стоял он. Ярко-красный, с ослепительно белой молнией вдоль всего фюзеляжа и стилизованными буквами на хвостовом оперении. Рядом, прислонившись к корпусу и что-то жуя, стоял Ясин в своем вечном замасленном комбинезоне, с наушниками на шее.

«Extra 330SC».

Тот, на котором она летала в Калифорнии. Ее самолет. Он казался немного меньше на фоне бескрайнего пустынного неба, чуть более одиноким и хрупким, чем в ее воспоминаниях. Но от этого лишь сильнее защемило сердце. Комок в горле сдавил так, что она едва сглотнула.

Оливия замерла на мгновение, позволив волне чувств на-

крыть себя с головой. Трепет. Жажда. Огромная, всепоглощающая любовь. И предательский, острый, как игла, укол вины. Вины перед отцом, который боялся за нее. Перед памятью матери... Она закрыла глаза на секунду, вдыхая знакомый запах. Это того стоило. Все это — ложь, секретность, страх разоблачения — того стоило.

Ясин заметил ее. Он выплюнул зубочистку, кивнул едва заметно — его обычное приветствие — и отодвинулся, давая ей подойти.

Девушка сделала шаг. Еще один. Ее кроссовки бесшумно ступали по раскаленному асфальту. Она обошла хвостовое оперение, ее ладонь сама потянулась вперед, скользнула по гладкой, идеально ровной поверхности фюзеляжа. Он был горячим от солнца, почти живым под ее пальцами.

— Не царапай, капитан, — раздался хриловатый голос Ясина. — Только что отполировал. Блестит, как новая игрушка сумасшедшего ребенка.

— Он и есть игрушка сумасшедшего ребенка, — прошептала Оливия, и тогда ее рука, чуть дрожа от переизбытка чувств, поднялась. Кончики пальцев коснулись поверхности крыла.

Холодное. Упругое. Идеально гладкое крыло.

Прикосновение было шоком после всеобщего пекла. Оно было физическим воплощением связи. Точкой отсчета. Кончики ее пальцев узнавали эту текстуру, эту температуру, эту твердость. Это был ее якорь. Ее дом. После долгой, изматывающей разлуки она наконец вернулась домой.

С губ ее сорвалась глупая, счастливая, совершенно неподконтрольная улыбка. Широкая, почти до ушей. Здесь, перед своим самолетом, ей не нужно было никого изображать. Все, что сейчас имело значение — она, ее самолет и Ясин, который, она знала, понимал это без слов.

— Ну что? — спросил он, подходя ближе. — Узнала?

— Узнала, — ответила она, голос слегка дрогнул. — Спасибо, Ясин. За то, что встретил его здесь. За то, что собрал.

— Не благодари, пока не облетаешь, — буркнул он, но в его прищуренных глазах мелькнуло что-то теплое. — Системы проверены. Двигатель — зверь. Нареканий нет. Ждет. Но сначала нужно пройти медкомиссию и брифинг. Бумажная волокита.

Она кивнула, не отрывая руку от крыла. В этот момент из-

за соседнего, более крупного турбовинтового самолета до-
несли голос. Один — низкий, властный и раздраженный
— заставил ее вздрогнуть. Не может быть. Здесь? Снова?

— Я говорю, что карбюратор нужно проверить еще раз, —
говорил тот самый голос, который она слышала вчера в аэро-
порту. — Обороты плавают на низких. Это недопустимо.

Оливия медленно обернулась. Он стоял в нескольких ша-
гах, прислонившись к фюзеляжу соседнего самолета. Сол-
нечные очки скрывали его глаза. На нем не было дорогого
костюма — только темные джинсы и простая черная фут-
болка, подчеркивающая крепкий торс. Он выглядел иначе
— не как деловой манекен, а как человек, привыкший к дей-
ствию. Но та же аура бесцеремонной уверенности витала во-
круг него, как щит.

Рядом с ним суетился молодой механик в замасленном
комбинезоне, что-то оживленно объясняя и кивая. — Но,
господин, мы уже все проверили, — начал было механик,
виновато разводя руками. — Все в пределах нормы...

— И проверите еще раз, — мягко, но не допуская возра-
жений, парировал тот. — Пока не найдете причину.

Ясин, стоявший рядом с Оливией, фыркнул. Звук был ти-

хим, но выразительным. Оливия встретила с ним взглядом и увидела в его глазах безмолвное, саркастичное: «Серьезно?»

Ее язвительная натура, уже знакомая с этим типом, подняла голову. Она сделала шаг вперед, скрестив руки на груди.

— Проблемы с карбюратором? — произнесла она, и ее голос прозвучал на удивление спокойно. — А вы не думали, что это может быть банально топливный фильтр? Или, простите за непрофессионализм, — она нарочно сделала ударение на этом слове, — просто некачественная партия топлива?

Он медленно, с преувеличенной неспешностью, повернул голову в ее сторону. Она почувствовала на себе его взгляд, скрытый за темными стеклами. В его позе читалось не просто удивление, а шок. Абсолютный, оглушительный шок. Как будто привидение материализовалось посреди бела дня.

— Заблудились, принцесса? — Едко ответил он и тут же выпрямился во весь рост, оторвавшись от фюзеляжа. — Выставочный павильон для болельщиков и прессы находится у главного входа, — он мотнул головой в сторону терминала, не отрывая от нее взгляда. — Или вы расширили сферу сво-

ей деятельности до инспекции авиатехники?

Ясин издал еще один звук, на этот раз похожий на подавленный смешок. Он отвернулся, делая вид, что что-то проверяет на кончике крыла своей «Экстры», но плечи его слегка тряслись.

— О, судя по всему дополнительная инспекция не помещает, — парировала Оливия, не моргнув глазом. Затем кивнула в сторону чужого самолета. — Особенно учитывая, что у этой модели стоит инжекторная система подачи топлива. Карбюратора там нет в принципе. Так что и проверить его будет несколько... проблематично, не находите?

Механик замер с открытым ртом, его взгляд, полный немого ужаса, метался между ними. Ясин уже не скрывал широкой, зубастой ухмылки, глядя куда-то в небо, будто находя там нечто невероятно интересное.

Уголки губ незнакомца дрогнули. Не смущение — нет. Это была чистая, неподдельная ярость, смешанная с чем-то еще... с восхищением ее наглостью.

Она увидела, как напряглись его широкие плечи, как пальцы, снимающие очки, сжались. Он медленно, театрально повернулся к ней, и в его карих глазах вспыхнули уже не

искры, а полноценные молнии чистого, неподдельного гнева. Маска надменного спокойствия треснула по швам.

— Вы всегда отпускаете свои колкости в адрес незнакомых людей, мисс? — его голос опустился на опасные пол-октавы, став тише, но оттого лишь весомее. — Или мне так несказанно повезло?

— О, я экономлю их для особых случаев, — ухмыльнулась девушка, наслаждаясь моментом. — Для тех, кто демонстрирует поистине феноменальную осведомленность в вопросах, которые... как бы это помягче... существуют лишь в их собственном воображении.

Ясин, поняв, что кульминация достигнута и его присутствие становится излишним, с притворно серьезным видом кашлянул в кулак.

— Капитан, пойду проверю давление в шасси, — бросил он на ходу, проходя мимо нее и бросая на того мужчину быстрый, оценивающий взгляд. — И... удачи с карбюратором, — добавил он на безупречном арабском, обращаясь к ошеломленному механику, и скрылся за хвостом своего самолета, оставив их в натянутом, заряженном пространстве между двумя крылатыми машинами.

Наступила тяжелая, густая пауза, напряженная, как тетива лука. Он изучал ее — ее простую летнюю форму, упрямо задранный подбородок, глаза, полные дерзкого вызова и насмешки.

— Фуад, — вдруг сказал он, и его голос вновь обрел те бархатистые, почти интимные нотки, способные, вероятно, растопить лед на сердце у кого угодно. — Фуад Аль-Рашид.

Механик, услышав это имя, резко закашлялся, подавившись собственным языком. Его широко раскрытые глаза были обращены к Ариффу с немим вопросом. Тот, не глядя на парня, сделал едва заметный, но властный жест рукой — «молчи».

— О, — Оливия притворно удивилась, сделав большие глаза. — А я уж подумала, ваше имя «Господин» или, может быть, «Ваше Высочество».

Он рассмеялся — низко, искренне, и этот звук снова застал ее врасплох. В его смехе не было злобы, скорее — некое уважение к ее наглости.

— Нет. Я лишь простой гонщик, — добавил Ариф, его взгляд снова вернулся к Оливии, игнорируя потрясенного механика. — Люблю, когда под ногами не зыбкие облака, а

горячий, честный асфальт. Здесь все проще. Быстрее. Реальнее.

— То есть вы наконец-то публично признали, что в небе не разбираетесь? — она сделала шаг к своей кабине, демонстрируя, что разговор окончен. — Наконец-то мы нашли точку соприкосновения.

— А вы разбираетесь в гоночных автомобилях? — он упрямо продолжал, не отступая и сокращая дистанцию. Его присутствие стало физически ощутимым. — В эти выходные на трассе «Джидда Корниш» — заезды Porsche Cup. Местные гонки, разминка перед большим чемпионатом. Я буду за рулем. И, скажу прямо, мне бы хотелось, чтобы вы пришли.

Это прозвучало не как приглашение, не как просьба. Это был очередной вызов. Прямой, бесцеремонный и наглый, как и все, что он делал.

Оливия почувствовала, как что-то сжимается у нее глубоко внутри. Представление о нем, несущемся в реве мотора на бешеной скорости, сосредоточенного, опасного и прекрасного в своей силе... Эта мысль была шокирующе притягательной.

— И какой у меня может быть интерес наблюдать за ва-

шими заездами? — она сделала вид, что разглядывает кончик своего ботинка. — Уверяю Вас, мое расписание заполнено куда более увлекательными вещами.

— Боитесь? — его голос стал тише, интимнее, словно он делился с ней секретом. — Боитесь признать, что я могу быть так же хорош на трассе, как вы, вероятно, в своем небе?

Она резко обернулась к нему, и их взгляды сцепились в немом, яростном поединке.

— Давайте договоримся, — продолжил он уже мягче. — Вы приходите на заезд в субботу, а я буду болеть за Вас с трибун все раунды авиагонок.

— Я не хочу, чтобы вы смотрели, как я летаю.

Слова вырвались прежде, чем она успела обдумать их, обнажив ту самую уязвимость, которую она так тщательно скрывала. Она тут же пожалела, увидев, как его губы тронула медленная, торжествующая улыбка. Черт. Ей до безумия хотелось, чтобы он увидел ее в небе — увидел и понял, с кем имеет дело. Чтобы эта самодовольная ухмылка наконец стерлась с его лица. Но признать в этом сейчас значило безоговорочно проиграть этот раунд.

— А я хочу, — просто сказал он, и в его глазах читалась непоколебимая уверенность. — Если увижу вас на гонках, то, возможно, пропущу пару ваших полетов... Чтобы не смущать...

В этот момент из кармана ее штанов выпал сложенный вчетверо листок бумаги — распечатка схем полетов и брифингов. Он, не сводя с нее пристального взгляда, с кошачьей грацией наклонился и поднял его. Прежде чем протянуть, его взгляд на долю секунды скользнул по тексту, выхватывая имя, напечатанное в верхнем углу: ЭМИЛИ ДРЕЙК.

— Осторожнее, принцесса, — он протянул ей бумагу, держа ее за самый уголок. — Кажется, вы теряете и высоту, и важные документы.

Она выхватила схему, стараясь, чтобы их пальцы ни в коем случае не соприкоснулись.

— Моя высота всегда под контролем, — отрезала она.

Он медленно улыбнулся, и в этой улыбке было столько самоуверенного, осознанного обаяния, что у нее на мгновение перехватило дыхание. Это было оружие, и он владел им в совершенстве.

— Увидимся, Эмили Дрейк. На трассе.

Он повернулся и ушел так же бесцеремонно, как и появился. Механик, бросивший на Оливию последний испуганный взгляд, ринулся вслед за ним.

Оливия сжала в руке смятый листок, все еще чувствуя на своей коже жар его взгляда. Он был невыносим. Нагл, самоуверен, раздражающе красив и опасен. И мысль о том, чтобы увидеть его за рулем гоночного автомобиля на местных гонках, внезапно показалась ей не досадной обязанностью, а самым волнующим и запретным обещанием, которое она получала за долгое время. Обещанием огня, скорости и бури, заключенной в одном человеке. Но вместе с волнением пришла и острая тревога. Он заинтересовался. Он узнал ее имя. Он хотел видеть ее полет. Каждая такая ниточка внимания тянула за собой риск. Риск того, что кто-то увидит их вместе, задаст вопросы, начнет копать. Риск для ее хрупкой легенды.

Из-за хвоста самолета появился Ясин, вытирая руки тряпкой. Его ухмылка сменилась привычной серьезностью.

— Веселый тип, — прокомментировал он сухо. — И очень уверенный в себе для человека, который ищет карбюратор в турбовинтовом двигателе. Знакомый?

— Случайное столкновение в аэропорту, — отмахнулась Оливия, стараясь звучать равнодушно. — Больше не увидимся.

— Гм, — Ясин посмотрел в сторону, куда ушел тот мужчина. — Судя по тому, как он на тебя смотрел, он с этим вряд ли согласится. И имя он свое назвал. Фуад Аль-Рашид. Слышал такое. Говорят, талантливый гонщик из богатой семьи, но болезненно скрытный.

Оливия нахмурилась. Это добавляло новые тревожные грани. Скромный гонщик? Тот человек, с его королевской осанкой и повелительным тоном, не был скромным. Он был скрытным. И это было хуже.

— Неважно, — сказала она, больше для себя, чем для Ясина. — У нас есть работа. Когда первый тренировочный вылет?

— После обеда, — ответил механик, видя, что она хочет сменить тему. — Сначала тебе нужно пройти медкомиссию и обязательный брифинг по безопасности. Трасса над водой, капризные ветра с моря... нужно слушать внимательно, капитан.

— Слушаюсь, — кивнула Оливия, бросая последний взгляд в ту сторону, где скрылся Фуад Аль-Рашид. Она чувствовала его присутствие, как отдаленный гром перед бурей.

Обещание встречи на трассе висело в раскаленном воздухе. И она, как ни старалась себя убедить в обратном, уже знала, что пойдет. Из-за вызова. Из-за любопытства. Из-за того темного, опасного магнетизма, который исходил от него. Это была ошибка. Возможно, роковая. Но она уже сделала слишком много ошибок, чтобы остановиться на этой.

Ариф отошел на почтительное расстояние, прежде чем обернуться. Она все еще стояла возле своего самолета, разговаривая со своим механиком — тем самым циничным типом, который едва не прыснул со смеху. Эмили Дрейк. Пилот.

Черт возьми.

Он засунул руки в карманы, сжав кулаки. Глупая, вздорная, невыносимая женщина. Она снова унизила его. Снова! И на глазах у посторонних. И этот ее механик... тот явно все понял.

Но под яростью было другое. Любопытство. Острое, жгучее. Кто она? Как эта женщина управляет с таким самолете-

том? И этот момент... когда она сказала, что не хочет, чтобы он видел ее полет.

Он шел к административному зданию академии, не видя ничего вокруг. Ее образ стоял перед ним как живой.

«Фуад Аль-Рашид». Почему он представился так? Потому что в ее присутствии быть Арифом Аль-Мансури, директором Академии, наследником, который только что продемонстрировал вопиющее невежество в технике (и намеренно, чтобы отвязаться от надоедливого механика, но она-то этого не знала!), было невыносимо. Фуад был свободен. Фуад мог быть кем угодно. Гонщиком, который приглашает красивую девушку на свои заезды. Фуад не был обременен долгом, репутацией, историей.

Он вошел в свой кабинет, сбросил солнечные очки на стол и подошел к окну. Отсюда было видно все летное поле. Ариф нашел взглядом тот самый ярко-красный «Extra». Рядом с ним копошились две фигурки.

Эмили Дрейк. Он запомнил это имя. В несколько движений набрал знакомый номер на своем защищенном телефоне.

— Селим? Мне нужна информация об одном из пилотов,

заявленных на авиагонки здесь, в Джидде. Эмили Дрейк. Да, все, что сможешь найти, но... — он замялся, — деликатно. Без лишнего шума.

Он положил трубку. Это было глупо, безрассудно и абсолютно против всех его правил. Но он не мог остановиться. Она ворвалась в его пространство дважды, и оба раза оставила после себя след — сначала на ботинке, теперь — на его самомнении. Игра была запущена. А он ненавидел проигрывать. И ненавидел неопределенность еще больше.

Ариф смотрел в окно на маленькую, уверенную фигурку у красного самолета, и впервые за долгое время он чувствовал себя не скучающим, пресыщенным директором, вынужденным вести двойную жизнь, а живым. Разъяренным, задетым, озадаченным, заинтригованным. Но живым.

И это было опасно. Очень опасно. Для них обоих.

Глава 6. Шаг в штопор

Небо над Джиддой в тот день не было просто пространством — оно было вызовом, брошенным самой природой, бездонной и знойной чашей, выкованной из опалового света и раскаленного воздуха. Шесть дней. Шесть тренировочных вылетов по трассе, и каждый из них был уроком смире-

ния. Оливия приняла этот вызов, но не как триумфатор, а как ученица, которую сама трасса пыталась сломить.

То, что проходило легко над бескрайними полями Калифорнии, здесь, над коварной водной гладью Красного моря, оборачивалось борьбой за выживание. Ветер с моря был не просто капризным — он был вероломным. Он мог стихнуть в одном вороте и ударить с новой, сбивающей с траектории силой в следующем, закручивая самолет в неожиданный крен. Высокая влажность делала воздух «тяжелым», и отзывчивая обычно «Экстра» иногда чувствовалась чуть более вялой, требуя от пилота больше усилий, больше предвидения.

У нее был стиль. Ясин, наблюдая с земли, однажды сказал: — Ты не летишь, капитан. Ты дерёшься с небом. И пока что небо ведет в счёте.

Он был прав. Ее стиль был безбашенным, интуитивным, построенным на чутье, а не на слепом следовании схеме. На трассе, где каждый сантиметр и миллисекунда просчитаны, это было и её оружием, и ахиллесовой пятой. Она могла вписаться в поворот по немыслимой траектории, вызывая восхищённый свист механиков. И могла на следующем круге чуть не задеть крылом верхний трос ворот, заставив замолчать всю свою маленькую команду в леденящем душу ужасе.

Как сейчас...

— Экстра-Джюльетта-Чарли. У вас всё в порядке? — раздался в наушниках спокойный, но настороженный голос.

Оливия ответила, стараясь, чтобы в голосе не дрогнуло. Адреналин все еще гудел в крови после рискованного маневра.

— Джюльетта-Чарли в порядке. Просто... попробовала новый угол входа. Минус две секунды, да?

— Минус две и минус десять лет жизни мне, — сухо парировал голос в эфире. — Пожалуйста, придерживайтесь согласованного плана полета, капитан Дрейк. Мы здесь не для каскадерских трюков, а для чистой работы. Доведите ее до конца.

— Вас поняла, — сквозь зубы ответила Оливия.

Радиомолчание. Она знала, что он прав. Но чертовски хотелось доказать, что ее способ — лучше. Быстрее. Ярче.

Но в этот день, в свой седьмой вылет, она начала чувствовать. Не просто управлять, а чувствовать трассу, как живое существо. Ее алый «Экстра» не просто исполнял фигуры — он вел диалог с ветром и высотой на языке, понятном лишь избранным. Ее бочки были не отточенными маневрами, а воплями свободы; петли — не техническими упражнения-

ми, а дерзким отрицанием земного притяжения. Казалось, за ее самолетом гнались не просто демоны преисподней, а все ее собственные страхи и сомнения, и она оставляла их далеко позади, в клубах разреженного воздуха.

И все же ошибки были. Резковатый выход из штопора, небольшая потеря скорости на развороте. Через два дня — первый квалификационный заезд. Затем еще два. И три лучших результата откроют дорогу к главному — суперлицензии. Победитель получит право выступать на Чемпионате Мира. Мысль об этом одновременно окрыляла и сковывала железным обручем ответственности. Она шла ва-банк. Все свои деньги, всю свою ложь, всё — на одну карту. Проиграть было нельзя.

В эти мгновения чистого полета она была не просто пилотом. Она была самой скоростью, воплощенной в металле и плоти. Ее разум парил над телом, которое слилось с машиной в единый, дышащий организм. Здесь, на высоте, не было места Оливии Дэвлин с ее грузом лжи и семейных ожиданий. Здесь царила Эмили Дрейк — бесстрашная, безудержная и абсолютно свободная.

Ариф, недвижимый и затаивший дыхание, наблюдал за этим спектаклем могущества и отчаянной борьбы с пустынной трибуны. Он пришел инспектировать готовность инфра-

структуры Академии к предстоящим заездам, но остался как замороженный. В его груди, под строгим костюмом директора, бушевало нечто первобытное и знакомое — тот же огонь, что зажигал его душу, когда он сжимал в руках руль своего «Порше». Но это было иначе. Это было... выше. И опаснее.

Он смотрел не просто как зритель, а как человек, понимающий цену риска. Видел не только виртуозные пролеты, но и те самые, едва уловимые глазу огрехи, моменты, где машина выскальзывала из абсолютного контроля. И в этом была своя, дикая красота. Она не была отлаженным роботом. Она была стихией.

— Черт возьми, — мысленный возглас сорвался с его губ, когда самолет, будто обезумев, ввинтился в штопор, чтобы в последний миг, на грани срыва, вырваться из него и устремиться к солнцу.

Он видел многое — отточенную технику чемпионов, смелость каскадеров, — но такого не видел никогда. В этом полете не было ни капли позы. Была лишь дикая, необузданная сила, укрощенная волей и талантом. Та самая дерзкая самоуверенность, что раздражала его на земле, здесь, в небе, преобразалась в оправданную гордыню, в отчаянную борьбу за власть над стихией.

Он наблюдал, как ее самолет совершает финальный проход, и его взгляд скользнул к монитору рядом, где в реальном времени обновлялась таблица тренировочных результатов. «E. Drake» — не в топ-5, но уверенно поднималась с каждой сессией. Упрямо, настойчиво. Она пробивалась. С боем.

Она была загадкой, завернутой в ореол неукротимой энергии. Юная, яростная и оттого невероятно притягательная. Мысль пришла к нему не как искушение, а как неизбежность, как следующий логичный ход в их странной партии. Он не мог позволить себе просто наблюдать со стороны. Ему нужно было понять. Расшифровать. Приблизиться к этому шторму.

Медленная, уверенная улыбка тронула его губы. Ждать было нельзя. Пока впечатления от полета были свежи, пока адреналин еще пел в крови, делая ее более уязвимой, более... настоящей.

В ангаре пахло горячим металлом, маслом и пылью. Оливия скинула шлем, ее волосы прилипли ко лбу. Тело ныло приятной, глухой усталостью, но внутри все еще пело от полета.

Ясин, копошащийся у открытого капота двигателя, бросил на нее взгляд.

— Ну что? Небо сегодня доброжелательнее?

— Оно сегодня было склонно к переговорам, — усмехнулась она, подходя и заглядывая через его плечо. — Думаю, мы нашли общий язык. Но оно выдвигает жесткие условия.

— Например? — он протянул ей бутылку с водой.

— Например, перестать выходить из петли Иммельмана с креном в десять градусов больше расчетного. А то снова получаю по шапке от руководителя полетов.

Ясин хмыкнул.

— А я думал, ты его не слушаешь.

— Слушаю. Потом делаю по-своему. Но слушаю, — она сделала большой глоток. — Кстати, наконец-то взяла здесь машину. Чтобы не зависеть от трансферов.

— И? Летает?

— Ползет, как улитка, смоченная в сиропе, — скривилась Оливия. — Какой-то древний седан бежевого цвета, кажется, его последняя радостная поездка была на парад в честь окончания Второй мировой. Но зато багажник большой —

сумка с экипировкой влезет.

— Роскошь, — безэмоционально констатировал Ясин. — Главное, не гоняй на нем. Здесь и без тебя на дорогах достаточно самоубийц.

— Обещаю, — она подняла руки в знак покорности. — Буду соблюдать все правила и скромно ползать по правому ряду, вызывая всеобщее презрение.

— Умница. А теперь иди, отдыхай. Завтра последняя полноценная тренировка перед квалификацией. Тебе нужна свежая голова, а не перегруженная адреналином и моими нравоучениями.

Она кивнула, помахала ему на прощание и направилась к стоянке, где действительно ждал тот самый печальный бежевый седан.

В номере отеля Оливия сбросила пропотевший летный комбинезон и, не находя сил на что-либо еще, рухнула на кровать. Ее тело отзывалось на каждое движение глухим гулом усталости и удовлетворения, но душа парила, легкая и очищенная катарсисом полета. Сегодня был хороший день. Не идеальный, но хороший. Она чувствовала прогресс.

Звонок телефона вырвал ее из забытья — на экране улыбался Дэнни.

— Ну, легенда гонок, как там твое завоевание саудовских небес? — слышался его беззаботный голос.

— Идет медленно, но верно, — ответила она, улыбаясь в потолок. — Сегодня, кажется, удалось убедить местный ветер, что я здесь не просто так. Он еще сопротивляется, но уже без былой ярости.

— Знакомо, — рассмеялся Дэнни. — Помнишь, как над пустыней Мохаве тот шквал...

Они погрузились в воспоминания, разговор полился легко и непринужденно. Дэнни был единственным человеком из ее прошлой, настоящей жизни, с кем она могла вот так говорить о полетах, не притворяясь. Он спрашивал о технических деталях трассы, давал советы по работе с боковым ветром, и на несколько минут она снова чувствовала себя просто Лив, начинающим пилотом, а не авантюристкой, живущей под чужим именем.

— Слушай, а как там с... — начал было Дэнни, и в его голосе прозвучала забота, но в дверь постучали. Не один раз, а три отрывистых, властных удара, не оставляющих пространства для сомнений или игнорирования.

— Подожди, Дэн, кто-то пришел, — нахмурилась Оливия,

приподнимаясь на локте. Сердце почему-то екнуло. — Наверное, по поводу счета за этот домик на колесах, который я здесь арендовала. Он, наверное, по документам считается антиквариатом и требует отдельной страховки.

— Ладно, звони, если что, — сказал Дэнни. — И, Лив... будь осторожна, хорошо?

— Всегда, — она положила трубку.

С неохотой поднявшись, она подошла к двери. Посмотрела в глазок. И сердце ее провалилось куда-то в пятки, а потом рванулось обратно, в горло, бешено заколотившись.

На пороге стоял он. Фуад Аль-Рашид.

Мужчина был одет не в ту бесформенную рабочую одежду, что надевают пилоты и механики на летном поле, а в идеально сидящие темные льняные брюки и простую белую рубашку с расстегнутым воротником, подчеркивавшую его загар и атлетическое телосложение. В руках он держал небольшой конверт из плотной, кремовой бумаги.

Оливия на мгновение застыла, обдумывая, не сделать ли вид, что ее нет. Но это было бы трусостью. А трусость она презирала превыше всего. Да и он, она чувствовала, не ушел

бы.

Она распахнула дверь, опершись о косяк и скрестив руки на груди — классическая поза защиты.

— Потерялись? — спросила она, поднимая бровь. — Выставочный павильон для болельщиков, помнится, вон там. Или карбюратор для инжекторного двигателя все еще не нашлся, и вы решили поискать его в отеле?

Его губы тронула та самая улыбка, что сводила с ума половину женского населения Джидды, — обаятельная, немного хищная и невероятно притягательная. Но в его глазах, помимо привычной насмешки, было что-то новое — откровенная оценка, восхищение, выловленное с высоты трибуны.

— Я ищу пилота, который чуть не расплавил бетон на взлетной полосе своим финальным заходом, — парировал он, игнорируя колкость. — Не видели ее? Ей есть за что ответить. Она украла у меня полчаса рабочего времени. Я просто не мог оторваться.

— Она занята, — отрезала Оливия, чувствуя, как предательское тепло разливается по щекам. — Готовится к тому, чтобы расплавить его снова. На этот раз — вместе со временем всех судей.

— Это можно будет сделать после ужина, — он протянул ей конверт. — Если, конечно, у нее хватит смелости отвлечься от своего свидания со сталью и керосином.

Оливия скептически посмотрела на конверт, потом на него.

— Что это? Вызов на дуэль?

— Приглашение. На возмещение морального ущерба, — его глаза сверкнули. — Вы заставили меня публично усомниться в существовании карбюраторов. Это серьезный удар по репутации человека, чья жизнь — техника. Требуется компенсация в виде интересной беседы.

Она невольно улыбнулась. Черт возьми, он был хорош. Настойчивый, как и подобает мужчине, привыкшему добиваться своего, но с такой самоиронией, что это не вызывало отторжения. А еще он видел ее полет. И это меняло правила игры.

Она взяла конверт, вскрыла его. Внутри лежала простая карточка с гравировкой — название ресторана «Аль-Бахр» и время. Никаких сантиментов, никаких намеков на романтику. Просто факт. Дорогой, изысканный факт.

— «Аль-Бахр»? — переспросила она. — Это на набережной. Говорят, столики там бронируют за месяц. Или вы просто владелец?

— Говорят много чего, — пожал он плечами, и в его движении была непринужденная грация крупного хищника. — Но иногда достаточно одного звонка и правильного имени. Итак? Сможете оторваться от своего графика тренировок и паранойи? Или боитесь, что ужин отнимет драгоценные секунды у вашего времени на трассе?

Она колебалась. Это была плохая идея. Очень плохая. Он был опасен. Не физически — нет. Он был опасен тем, что видел слишком много. Скоро первый заезд. Ей нужна была концентрация, а не... это.

Но вызов... Вызов она никогда не могла проигнорировать. Особенно такой, обернутый в бархат и поданный с такой уверенностью.

— Только если это не суши, — сказала она, делая вид, что обдумывает его предложение. — И не устрицы. У меня аллергия на сырую рыбу, занудные разговоры и мужчин, которые думают, что ужин — это предоплата за что-то еще.

— Обещаю, рыба будет хорошо прожарена, разговоры... скучно не будет, а насчет предоплаты — я юрист, мисс Дрейк. Я привык все обговаривать заранее и соблюдать условия контракта. Пока что в контракте только ужин.

Его взгляд, теплый и насмешливый, обещал гораздо больше, чем просто интересную беседу. Он обещал игру. Опасную, волнующую игру.

— Хорошо, — она кивнула, стараясь казаться небрежной. — Но только потому, что мне смертельно интересно, в чем еще вы можете публично усомниться, не зная фундаментальных основ. И потому что после шести дней пайкового питания в кафе на аэродроме мысль о нормальной еде вызывает священный трепет.

— В восемь, — сказал он, и в его глазах вспыхнули те самые золотистые искорки, что она запомнила, смешанные с искренним весельем от ее последней фразы. — Я заеду за вами. Одевайтесь... соответственно. Место того стоит.

Он ушел, оставив после себя шлейф дорогого, едва уловимого парфюма с нотами сандала и чего-то пряного, и вихрь противоречивых эмоций. Оливия захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, сжимая в руке злополучный конверт.

Что, черт возьми, она только что наделала? Она только что согласилась на свидание с самым раздражающим, загадочным и отвлекающим мужчиной в радиусе тысячи миль за два дня до самого важного в ее жизни старта. Гениально, Оливия. Просто гениально.

Глава 7. Искусство полуправды

Ровно в восемь под окнами отеля остановился не кричащий «Порше» или «Ламборгини», а темный, тонированный седан бизнес-класса — практичный, мощный и неприметный. Оливия, одетая в элегантные темные брюки, шелковую блузу цвета сливок и длинный кардиган, вышла из лифта, давя в себе желание перепроверить макияж в отражении. Дверь автомобиля бесшумно открылась изнутри.

Она села в салон, и ее взгляд встретился с его — темным, оценивающим, скользнувшим по ее наряду с такой медленной внимательностью, что по коже снова побежали мурашки.

— Я впечатлен, — произнес он, когда машина тронулась. — Признаюсь, я ожидал чего-то более... бунтарского. Кожа, может быть. Или что-то столь же непрактичное, как полет в штопор над водой. Или вы просто досконально изучили

местные обычаи за эти несколько дней?

Оливия бросила на него насмешливый взгляд, отводя глаза к проплывающим за стеклом огням набережной.

— Я не собиралась эпатировать публику, господин Аль-Рашид, и не нуждаюсь в уроках этикета, — сказала она. — Некоторые из нас обладают достаточной проницательностью, чтобы уважать культуру страны, в которой находятся, без лишних напоминаний и поучений. Это называется базовым воспитанием. Или опять что-то из области карбюраторов — тоже не существует? — Она не стала упоминать годы, проведенные в Абу-Даби. Пусть это останется ее маленьким секретом, ее козырем в этой странной игре.

На его смуглом лице промелькнула тень неподдельного удивления, смешанного с искренним интересом. Его взгляд стал пристальнее.

— Вы постоянно меня удивляете. Каждый раз, когда я думаю, что составил о вас представление, вы его разбиваете.

Они ехали в молчании, напряженном, но лишенном неловкости. Напряжение было иного рода — трепещущее, полное невысказанных вызовов и взаимного изучения. Он нарушил его первым, его голос мягко прозвучал в полумра-

ке салона.

— Я видел ваш полет сегодня. Весь.

Оливия смотрела на проплывающие за стеклом огни ночного города, пытаясь скрыть внезапное учащение пульса. Почему это задело ее так сильно?

— А я полагала, мы договорились: вы не смотрите мои полеты, если я приду на ваши гонки, — сказала она, не глядя на него. — Выходит, вы нарушили условия, даже не дождавшись сделки. А значит, и я свободна от обязательств. Суббота внезапно освободилась. Очень жаль.

Он рассмеялся — низко, завораживающе, и этот звук, казалось, заполнил собой все пространство автомобиля, вибрируя где-то глубоко внутри нее.

— О, вы придете. Не сомневайтесь. Потому что вам до смерти интересно, правда ли я так же виртуозен на земле, как вы в воздухе. Вы хотите это видеть. Вы уже признались себе в этом, просто еще боретесь с собственной гордыней, как с непокорным ветром.

Его слова попали в самую цель, и она возненавидела его за эту пронзительную, почти пугающую пронизательность.

Он читал ее как открытую книгу, и это было невыносимо.

— Вы страдаете манией величия, — отрезала она, поворачиваясь к нему. Ее глаза, должно быть, метали искры. — И, кажется, заразительны. Я начинаю думать, что вы всерьез верите в свою способность читать мысли.

— Это не мания, Эмили. Это уверенность, основанная на наблюдении, — его голос стал тише, но от этого лишь веселее, интимнее. — И мне искренне интересно... что это за демон заставляет вас бросать вызов самому небу с такой яростью? Что вы пытаетесь доказать? Или от чего убегаете, закладывая такие виражи, от которых у любого, даже самого опытного пилота, закружилась бы голова? В вашем полете нет радости. Есть ярость. И это красиво. И чертовски опасно.

Она резко повернулась к нему. Он касался того самого, о чем она боялась думать даже в тишине собственной комнаты.

— А может, мне просто нравится летать? — ее голос прозвучал острее, чем она планировала, в нем слышалась защитная злоба. — Или вам обязательно нужно найти какую-то трагическую предысторию, какую-то душевную рану, чтобы оправдать тот факт, что женщина может быть просто... чертовски талантливой и смелой без всяких на то драматиче-

ских причин? Может, я просто люблю скорость! Может, мне нравится, когда меня вдавливают в кресло, и мир сужается до точки горизонта! Это недостаточно хорошая причина?

Их взгляды скрестились в полумраке салона — вызов на вызов, упрямство на упрямство. Между ними пробежала молния — не разрушающая, а заряжающая, полная той же страсти, что и ее полет. Он смотрел на нее так, словно видел не только ее гнев, но и ту боль, ту уязвимость, что пряталась за ним, под слоями сарказма и бравады.

— О нет, — тихо, почти шепотом произнес он, и его взгляд стал глубоким, проникающим, лишенным насмешки. — Ваша смелость не требует оправданий. Она... заслуживает правильного направления. И зрителя, который способен ее оценить. Не просто восхититься трюком, а увидеть... битву. Именно это я и видел сегодня. И это стоило каждой украденной рабочей минуты.

Машина остановилась. Они приехали. Он вышел, чтобы открыть ей дверь, и его рука на мгновение коснулась ее локтя, помогая выйти. Прикосновение было легким, вежливым, но она почувствовала его, как ожог.

«Аль-Бахр» оказался не просто рестораном. Это было место силы, спрятанное от глаз толпы. Небольшое, эксклюзив-

ное заведение, построенное на сваях прямо над водой. Чтобы попасть туда, нужно было пройти по длинному деревянному пирсу, с обеих сторон которого в темной, словно чернила, воде отражались огни города.

Воздух был теплым и влажным, насыщенным соленым дыханием Красного моря и пьянящим ароматом ночного жасмина. Где-то вдали мерно шумел прибой, а под ногами с легким, убаюкивающим стуком плескались волны, обнимая сваи. Небо над головой было бархатно-черным, усыпанным миллиардами бриллиантовых звезд, более ярких и близких, чем где-либо еще.

Их встретил немолодой, импозантный араб в белоснежной галабее. Он почтительно склонился и провел их к лучшему столику — на самом краю террасы, в уединенной нише, скрытой от посторонних глаз пышными зарослями вьющихся растений и легким полупрозрачным пологом.

— Вы здесь свой человек, — констатировала Оливия, садясь в кресло, с которого открывался головокружительный вид на бескрайнюю, темную гладь воды, сливавшуюся на горизонте с небом.

— У меня есть свои слабости, — он улыбнулся, садясь напротив. В свете свечей и далеких огней его лицо казалось

высеченным из темного мрамора. — Одна из них — хороший вид и полное отсутствие посторонних глаз, когда это необходимо.

Официант, молодой парень с умными, спокойными глазами и безупречными манерами, принял заказ. Ариф, не глядя в меню, на совершенном арабском заказал на двоих набор мезе и свежую рыбу-гриль, пойманную, как он пояснил уже ей, сегодня утром. Из напитков — традиционный айран с мятой и гранатовый шербет.

— Надеюсь, вы не вегетарианка? — уточнил он, когда официант удалился.

— Только по отношению к скучным людям и невкусной еде, — парировала она, позволяя себе наконец расслабиться и окинуть взглядом волшебное пространство вокруг. — А это место... оно определенно не скучное.

Его губы дрогнули в улыбке, более мягкой, чем обычно.

— Тогда нам ничего не угрожает.

Они замолчали, погружившись в атмосферу места. Теплый ветерок трепал непослушные пряди ее волос, доносил пьянящий аромат цветов и моря, смешанный с дымком от

мангала. Где-то тихо, ненавязчиво играла традиционная музыка — томные, медитативные переливы уда и ритмичный, но негромкий бой барабана. Было невероятно красиво. Невероятно романтично. И невероятно опасно для ее душевного равновесия.

— Почему? — спросила она внезапно, ловя его пристальный взгляд на себе. Он не просто смотрел — он изучал, как будто пытался запомнить каждую черту. — Зачем все это? Ужин, это место... Не думаю, что мои насмешки над вашими познаниями в механике того стоили. Или... — она сделала паузу, — это как-то связано с тем, что вы видели сегодня? С моим полетом?

Он откинулся на спинку стула, его лицо было частично скрыто в тени, подсвечено только мерцающим пламенем свечи в стеклянном фонаре на столе. Пламя отражалось в его темных глазах, делая их еще более глубокими и нечитаемыми.

— Любопытство, — ответил он просто, честно. — Вы... не вписываетесь ни в одну из известных мне категорий. На земле вы — шипящий котенок, который пытается казаться тигрицей. В небе... в небе вы и есть тигрица. И это противоречие не дает мне покоя.

— А вы много их составили? Категорий? — в ее голосе зазвенела привычная колкость, но в ней уже не было прежней остроты. Было усталое признание.

— Достаточно, чтобы научиться видеть суть, — он не стал отрицать. — Но вы... вы взломали систему. Девушка, которая летает так, будто отнимает у неба что-то силой. Которая говорит с механиками на их языке, а с такими, как я, — как с назойливыми мухами, которых нужно прихлопнуть. Которая в двадцать с небольшим имеет такие глаза, будто прожила три жизни и в каждой проиграла. Это... сводит с ума. В хорошем смысле. Если такой смысл вообще существует.

Оливия почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Он снова говорил об этом. Говорил так прямо, так безжалостно точно, будто касался обнаженных нервов сквозь кожу и одежду. Она сделала глоток прохладного шербета, чтобы выиграть время.

— Может, вам просто нравятся девушки, которым не нравитесь вы? — бросила она, стараясь вернуть разговор в безопасное, саркастичное русло. — Это такой своеобразный вызов для самолюбия.

— О, я нравлюсь всем, — он рассмеялся, и в его смехе, как ни странно, не было ни капли самомнения, лишь спокой-

ная, немного усталая констатация факта. — По крайней мере, все делают вид, что это так. Это предсказуемо. А значит — скучно. А мне как раз наоборот — претит скука больше всего на свете. А вы... вы похожи на живой, непредсказуемый шторм. Захватывающий. Разрушительный для покоя. И я, кажется, уже попал в вашу зону действия.

Их взгляды встретились через стол, и между ними снова пробежала та самая искра, что была в машине, только теперь она была сильнее, насыщенней. Тихое, мощное напряжение, от которого перехватывало дыхание и слабели колени. Он не просто флиртовал. Он признавался в своем интересе, и это признание было честным, лишенным привычного пафоса.

В этот момент подали закуски. Яркие, ароматные блюда в маленьких глиняных пиалах: хумус, мутаббаль, теплые лепешки, сыр халлуми-гриль с капелькой меда. Разговор на время перешел на нейтральные, но не менее увлекательные темы — еду, впечатления от Джидды, которые он слушал с особой, мягкой улыбкой.

Они фехтовали словами, как опытные дуэлянты. Он парировал ее колкости изысканными, но не слащавыми комплиментами, она отражала его тонкие намеки убийственной иронией, которая теперь, однако, часто сменялась задумчивостью. Это был танец. Сложный, страстный, полный невы-

сказанных вопросов.

— Вы знаете, — сказал он, откладывая вилку и смотря куда-то в темноту за ее спиной. — Есть старая бедуинская поговорка: «Ветер не боится того, кто строит высокие стены. Он боится того, кто сажает деревья, которые гнутся, но не ломаются». Вы — как тот ветер. А ваши стены... они высоки, но я чувствую, что за ними скрывается целый лес. Лес, в котором легко заблудиться, но который так и тянет исследовать.

Оливия отпила глоток айрана, чувствуя его освежающую прохладу. Она устала от фехтования. Ненадолго.

— Вы много чувствуете, Аль-Рашид. Для человека, который проводит дни и ночи в реве моторов и, как вы сами сказали, в бумагах. Юристы обычно оперируют фактами, а не ощущениями.

— Моя работа — это как раз чтение между строк. Поиск скрытых смыслов, истинных намерений за красивыми словами, — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то профессиональное, острое. — А вы, пожалуй, самая сложная и увлекательная головоломка, что попадалась мне за долгое время. Слишком много противоречий. Слишком много боли за ширмой гнева. Слишком много... красоты в этом хаосе.

— Может, вам просто стоит найти себе хобби попроще? — она вздохнула, отводя взгляд к звездам. — Судоку, например. Или собрать пазл из тысячи деталей. Гарантированно меньше нервов.

— Я предпочитаю живые головоломки, — он наклонился чуть вперед, и свет свечи выхватил его лицо — сильное, с четкими, почти резкими линиями. В его глазах горел не просто интерес или влечение. Горел голод. Голод познания, разгадки. — Особенно те, что пахнут вишней, порохом и опасностью.

Она замерла, чувствуя, как этот взгляд проникает сквозь все ее защиты. Она была обнажена перед ним. И это было ужасно. И пьяняще.

— Чего вы хотите? — спросила она прямо, отбросив все уловки, все маски. Ее голос прозвучал тихо, но твердо в пространстве между ними, нарушаемом лишь шепотом волн. — На самом деле? От меня? Не как от пилота, не как от загадки. Чего вы хотите?

Он не отвечал сразу. Его взгляд стал серьезным, почти суровым. Он тоже отбросил маску светского льва, игрока.

— Узнать, что заставляет ветер дуть с такой яростью, — так же прямо, без обиняков, ответил он. — Узнать, что скрывается за гневом. Узнать, почему самый свободный человек, которого я когда-либо видел, — а в небе вы именно таковы, — выглядит самым плененным на земле. Я хочу... услышать правду. Хотя бы крупицу.

Оливия замерла. Его слова снова били в цель. В самую суть ее двойной жизни, ее вечного страха и вины. Она почувствовала, как все внутри сжимается, готовясь дать отпор, солгать, уйти. Но что-то в его глазах, в этой внезапной, голой честности, остановило ее. Он не требовал. Он просил. Как равный.

— Вы ошибаетесь, — попыталась она защититься, но ее голос дрогнул, выдав больше, чем слова.

— Нет, — он покачал головой, и его движение было медленным, почти усталым. Его рука лежала на столе. — Я не ошибаюсь. Я видел вас в небе. Это не был просто полет. Это был крик. Побег. Или попытка что-то догнать. От чего вы бежите, Эмили? Или к чему так отчаянно стремитесь, что готовы разбиться?

Тишина повисла между ними, густая и звонкая. Она смотрела на него, и все ее защитные механизмы, все стены, вы-

строенные за годы, дали глубокую трещину. В этом волшебном месте, под этим бесконечным звездным небом, под его пронзительным, лишенным насмешки взглядом, было невозможно лгать. По крайней мере, полностью.

Оливия откинулась на спинку стула, закрыв глаза, позволяя темноте и шуму моря на секунду унести ее. Когда она снова заговорила, ее голос был тихим, хрипловатым, без единой нотки привычной колкости.

— Есть вещи... которые проще ненавидеть, чем принять, — начала она, глядя на мерцающее пламя свечи, а не на него. — Потому что если принять... то придется признать, что ты ошибался всю свою жизнь. Что ты был слеп. Жесток к тем, кто любил тебя. Что твоя боль... была твоим собственным выбором. А это... невыносимо. Поэтому иногда легче бежать. Даже если бежишь прямо в пропасть. По крайней мере, это твой выбор. Твоя пропасть.

Она не смотрела на него, уставившись на пламя. Это было все, что она могла сказать. Все, на что она была способна здесь и сейчас, не предав всех и вся.

Он молчал. Не просто делал паузу, а слушал, впитывал каждый оттенок, каждую дрожь в ее голосе. Его молчание было не осуждающим, не жалостливым. Оно было... прини-

мающим. Затем он мягко, очень мягко сказал:

— Я не хотел портить вам настроение грустными разговорами. Давайте сменим тему. Хотя бы на время. Расскажите мне о чем-нибудь легком. О первом полете. О первом ощущении, когда земля осталась внизу.

Оливия почувствовала острое облегчение и, к своему удивлению, легкое разочарование. Щель в ее броне закрылась. Он не стал давить, не стал копать глубже. Он дал ей отступить. Она снова надела маску, но на этот раз это было не так больно.

— Это был старый «Цесна-172», — она улыбнулась, уже глядя ему прямо в глаза. — А за штурвалом сидел мой друг. Он просто сказал: «Смотри». И я увидела, как мир превращается в лоскутное одеяло. И как все проблемы, каждая из них, остаются там, внизу, такие маленькие и незначительные. А в груди... было чувство, будто тебя только что родили заново. И подарили крылья.

Они говорили еще долго. О полетах, о гонках (он рассказал о предстоящем заезде Porsche Cup как о разминке, но в его глазах вспыхнул тот же огонь, что и у нее), о музыке. Они лгали. Оба. Глядя прямо в глаза, с обворожительными улыбками, прикрывая полуправдой и легендами свои самые

уязвимые места, свои настоящие жизни. И в этом странном, извращенном танце двух лжецов рождалось нечто похожее на доверие. Они видели друг в друге не просто противника или объект влечения, а родственную душу — такого же заключенного в золотую клетку собственной судьбы, долга, прошлого, ищущего глоток настоящей свободы в скорости, риске и этом мимолетном моменте понимания.

Когда он протянул руку, чтобы поправить сдвинувшуюся салфетку, его пальцы случайно, на долю секунды, коснулись ее запястья. Мимолетное, едва заметное прикосновение. Но его было достаточно. Оливия почувствовала, как по ее коже разливается волна жара, а сердце замерло, а затем забилось с новой, бешеной силой. Она увидела, как его зрачки расширились, почернели, уловив ее реакцию. Как его дыхание тоже на мгновение сбилось.

Он медленно убрал руку, но его взгляд приковался к ее губам, потом снова поднялся к глазам.

— Знаете, я начинаю думать, что эта компенсация за карбюратор... возможно, лучшее вложение моего времени за последние годы, — произнес он тихо, без тени насмешки или игры. Было лишь одно — голое, не замаскированное влечение и то странное понимание, что возникло между ними.

Оливия откинулась на подушки кресла, пытаясь скрыть легкую дрожь в руках и поймать сбившееся дыхание. Она была в ловушке. В ловушке его красоты, его ума, его лжи, которая так странно резонировала с ее собственной, и своего предательского тела, которое реагировало на него с пугающей силой. Она злилась на него за эту власть. И злилась на себя за то, что позволила ему эту власть иметь. За два дня до заезда.

Весь остаток ужина прошел под знаком этого невысказанного, но осязаемого притяжения. Каждое слово, каждый взгляд, каждое движение было заряжено тихим электричеством. Они продолжали разговаривать, но теперь в их диалогах сквозила не враждебность и не просто флирт, а предвкушение. Обещание чего-то большего, опасного и неизбежного.

Когда он отвез ее обратно в отель и проводил до двери номера, они остановились в полумраке безлюдного коридора, освещенного лишь приглушенными бра. Он не пытался ее поцеловать, не делал ни одного лишнего движения. Он просто взял ее руку — на этот раз сознательно — и на мгновение задержал в своей, его большой палец провел легкую, почти невесомую линию по ее костяшкам. Этот жест был одновременно и прощанием, и вопросом, и обещанием.

— До встречи, Эмили Дрейк, — произнес он. Но его взгляд сказал куда больше. Что он не закончил. Что это не конец. Что игра только начинается.

Она молча кивнула, уже поворачиваясь к двери, пытаясь совладать с бешеным стуком сердца. Как вдруг его голос, тихий и снова с легкой, знакомой насмешкой, остановил ее:

— Я буду ждать вас на трибунах в субботу. Не забудьте.

Она обернулась, опершись спиной о дверь. Защитная колкость вернулась сама собой, как щит.

— И все же, почему вы так отчаянно хотите, чтобы я увидела ваши гонки? — спросила она. — Потому что, как вы сказали, мир не состоит только из облаков и пропеллеров, и мне будет полезно увидеть его... земную многогранность? Или просто потому что вы любите, когда на вас смотрят? Признайтесь, вам нравится быть центром внимания.

Он улыбнулся — медленно, осознанно, и сделал шаг вперед, сокращая и без того небольшую дистанцию до неприличной. Она почувствовала, как ее спина сильнее уперлась в прохладную деревянную поверхность двери. Он наклонился так близко, что его губы оказались в сантиметре от ее уха, а тепло его тела, смешанное с запахом сандала и моря, ста-

ло почти осязаемым, обволакивающим. Шепот был низким, горячим, обжигающим кожу.

— Потому что настоящее мастерство... стоит того, чтобы его увидели. Особенно глазами, которые понимают разницу между шоу и сутью.

Его дыхание коснулось ее шеи, и по всему телу пробежали мурашки, остановив дыхание. В этот момент он казался не просто наглым красавчиком или богатым игроком — он был воплощением опасной, абсолютно мужской, магнитной силы, которая дразнила все ее чувства, заставляя сердце пропускать удары, а разум туманиться. Она почувствовала, как по щекам разливается неконтролируемый румянец, и возненавидела себя за эту мгновенную, животную реакцию.

«Он просто издевается надо мной, — яростно пронеслось в голове. — Он знает, какой эффект производит, и играет в эту игру, потому что может. Потому что ему скучно».

Но чего она не видела, так это того, как его собственные пальцы сжались в кулаки за спиной, чтобы скрыть легкую дрожь. Как его взгляд, казавшийся таким уверенным и насмешливым, на мгновение помутнел, уловив ее близкий запах — непривычный, пьянящий аромат вишни и чего-то сладкого, смешавшийся с запахом ночного моря. Как

его собственная кровь застучала в висках с безумной силой. Он лишь делал вид небрежности и контроля, в то время как внутри него бушевала настоящая буря.

« Харам», — резко, почти болезненно одернул он себя, отступая на шаг, как от края обрыва. Религия, традиции, его собственная позиция, двойная жизнь, сестра, долг — все это встало между ними невидимой, но прочной, холодной стеной. Он не мог позволить себе потерять контроль. Не сейчас. Не с ней. Она была слишком опасна. Слишком... реальна.

— Можете спросить любого в паддоке, кто такой Фуад Аль-Рашид, — произнес он уже обычным тоном, отстранившись и лишив момент всей интимности, будто захлопнув дверь. — Они скажут: он быстр. И он выигрывает. Приятного вечера, Эмили. Удачи на тренировках завтра.

Он развернулся и ушел быстрыми, решительными шагами по коридору, не оглядываясь, не давая себе ни малейшего шанса остаться, передумать... прикоснуться к ней снова, уже по-настоящему. Ему нужно было дистанцироваться. Немедленно. Зарыться с головой в работу, в подготовку к своим гонкам, в свои собственные, не менее сложные игры.

Оливия в ступоре наблюдала, как его силуэт растворяется в полумраке коридора, сливаясь с тенями. Затем, с дрожа-

щими от непонятной слабости руками, она вставила ключ-карту в щель и едва не ввалилась в номер, чувствуя, как ноги вот-вот подкосятся.

Дверь захлопнулась, отсекая внешний мир, его запах, его тепло. Она прислонилась к ней спиной, словно только что убежала от погони, и прижала ладонь к бешено колотившемуся, непослушному сердцу. Глубокий, прерывистый вдох. Еще один. Бесполезно. В ушах все еще звенел его шепот, а кожа на шее и запястье горела от призрачного прикосновения его дыхания и пальцев. По телу разливалась странная, сладкая и тревожная истома.

«Что, черт возьми, это было? Свидание? — ее мысли металась, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом водовороте чувств. — Это был ужин! Возмещение ущерба! Ничего больше!»

Она резко оттолкнулась от двери, как от чего-то раскаленного, и прошла в ванную, включая яркий, слепящий свет. В зеркале на нее смотрело раскрасневшееся, растерянное лицо с слишком яркими, блестящими глазами. Глазами, в которых читалось смятение, гнев на саму себя и... ожидание. Лив с силой схватила тюбик с мицеллярной водой и принялась смывать макияж, будто пытаясь стереть и его образ, и его прикосновение, и этот дурацкий трепет, поселившийся

глубоко внутри.

«Он невыносим. Самоуверен, нагл, считает себя центром вселенной и знает, что он чертовски красив. И ты, дура, ведешься на эту удочку, как какая-то зеленая девчонка! Ясно как день, что он привык ломать девичьи сердца и волю одной лишь улыбкой и парой правильно сказанных слов. У него свои игры, свои тайны, свои интересы. Ты для него — забавная диковинка, пилотесса-сорванец, на которую можно потратить вечер, чтобы развлечься перед своими серьезными гонками».

Она швырнула ватный диск в мусорное ведро. Щеки все еще пылали. Она приложила холодные, мокрые ладони к лицу, пытаясь унять этот позорный румянец, это физическое свидетельство его власти над ее телом. Затем схватила свой телефон и быстро, почти яростно набрала в строке поиска «Фуад Аль-Рашид гонки». Результаты пестрели списками заездов, победами в классе GT. Он был в лидерах рейтинга. Но, как и сказал Ясин, ни одной четкой фотографии. Нигде. Только снимки в полной экипировке, с зеркальным шлемом, за рулем. Призрак. Загадка в квадрате.

«Зачем тебе его фото?! — мысленно крикнула она своему отражению в зеркале, видя в нем собственную слабость. — Он просто зазнавшийся, скрытный богач, которому скучно в

своём золотом мире. Очередной прожигатель жизни с комплексами. Ты же сама это видишь, чувствуешь! Он такой же, как все они...»

Но когда она вышла из ванной и потушила свет, когда опустилась на край огромной, холодной кровати и уткнулась лицом в подушку, перед ней всплыли не сухие строчки поисковой выдачи, а золотистые искорки в глубине его темных, насмешливых глаз.

Он был опасен не потому, что был красивым или богатым. Он был опасен потому, что задевал что-то глубокое, самое сокровенное и спрятанное внутри, вскрывал старые, не зажившие раны и задавал вопросы, на которые у нее не было ответов даже перед самой собой. Он пробуждал в ней что-то давно забытое, загнанное в самый дальний угол ее существа под грузом лжи и долга, — не просто физическое влечение (хотя и его, черт возьми, тоже), а жажду быть понятой, увиденной без масок. Жажду встретить того, кто не испугается ее шторма, а попытается... понять его природу.

Перевернувшись на спину, Лив уставилась в темноту потолка. Решение созрело внезапно, с кристальной, неоспоримой ясностью, рожденной из этой внутренней бури смятения, злости и запретного интереса.

Она должна увидеть его мир. Его скорость. Увидеть его за рулем, таким, каким он был. Без этих светских игр, полуправды и бархатных перчаток. Он стоил того. Не как мужчина, не как потенциальная угроза ее хрупкому душевному равновесию и концентрации перед заездом. А как вызов. Как живое, дышащее воплощение той иной, параллельной реальности, что существовала рядом с ее небом — реальности скорости, риска и тотального контроля на земле. Чтобы сравнить. Чтобы понять. Чтобы, возможно, найти в его мастерстве на трассе ключ к чему-то в себе.

И еще потому, что, как он и предсказал, ей было до смерти интересно.

С этим осознанием, одновременно пугающим и дарящим странное, тревожное спокойствие, она наконец закрыла глаза. И перед тем как погрузиться в беспокойный сон, полный образов алых самолетов и темных, зеркальных шлемов, ее последней мыслью был не прощальный вираж над морем, а темные, полные немого обещания и вызова глаза Фуада Аль-Рашида и тихий, обжигающий шепот в полумраке отельного коридора.

Глава 8. Гонка и Бегство

Утро субботы в Джидде началось не с привычного гула го-

рода, а с тихого, настойчивого трепета, поселившегося глубоко в животе Оливии. Солнце, только-только начинавшее золотить верхушки небоскребов, застало ее стоящей перед распахнутым гардеробом в позе, полной немомого отчаяния. В одной руке она сжимала шелковое платье насыщенного сапфирового цвета, в другой — светлые кожаные брюки, и оба предмета казались ей одинаково нелепыми.

— Что, скажи на милость, надевают, чтобы посмотреть, как мужчины катаются на тачках? — проворчала она, с силой швыряя платье на кровать. — Это же не благотворительный бал. Хотя, с его-то самомнением, он, наверное, и гонки считает искусством.

Мысль о нем, о Фуаде, заставила ее сжаться изнутри, будто от легкого удара током. Именно он, наглый, самоуверенный тип, был причиной этой дурацкой, унижительной нервозности. Причиной того, что она, Оливия Дэвлин, чье место было в кабине самолета, а не перед зеркалом, стояла и раздумывала, какая одежда сможет произвести впечатление на мужчину. «На араба, — с яростью подумала она, с силой держа ящик комода. — Самовлюбленного, зазнавшегося араба, который наверняка видел тысячи женщин и в шелках, и в бриллиантах, и в чем угодно еще».

Ее отражение в зеркале казалось чужим. Она поймала се-

бя на том, что надела и тут же сбросила уже третье платье, мысленно примеряя к нему его улыбку, тот самый оценивающий, насмешливый взгляд, который, казалось, видел ее насквозь.

Гнев, жгучий, очищающий и вполне заслуженный, накатил на нее волной. Она сгребла все наряды — платья, блузки, брюки — в бесформенную, яркую кучу и с силой отшвырнула в угол. Назло. Назло ему, назло своим глупым ожиданиям, назло всему миру, она натянула старые, потертые на коленях джинсы, простую белую майку и... ботинки. Те самые, которыми еще в аэропорту наступила на ногу «этому наглому индюку». Уголки ее губ дрогнули в едва заметной, торжествующей улыбке. Пусть знает. Пусть видит, с кем имеет дело.

Но затем ее взгляд упал на окно, за которым простиралась Джидда во всей своей контрастной красе — древние минареты, соседствующие с футуристическими башнями, женщины в абаях и девушки в джинсах. Разум, привыкший к расчету и анализу, холодной волной взял верх над бушующими эмоциями. Она резко повернулась к шкафу, достала оттуда просторную, длинную белую хлопковую рубашку и накинула ее поверх майки, как броню.

Волосы она оставила распущенными — темные пряди рассыпались по плечам, и водрузила на нос темные оч-

ки-авиаторы. Последний штрих — не столько для стиля, сколько для защиты. Защиты от любопытных взглядов, от возможного узнавания. Вдруг кто-то из круга Аиши или, не дай бог, она сама, увидит ее и узнает не Эмили Дрейк, а Оливию Дэвлин? Эта ложь начинала давить своей тяжестью.

Она глубоко вздохнула, глядя на свое отражение. Просто, практично, нейтрально. Идеальный камуфляж. Но внутри, под этой бесстрастной маской, все равно что-то сжималось и трепетало от предвкушения. Она должна была его увидеть. Увидеть того, кто так уверенно правил на земле, в его стихии. Увидеть и... понять.

Спускаясь в холл отеля, она старалась придать своей походке ту невозмутимую легкость, которой не чувствовала. И тут же замерла, будто наткнувшись на невидимую стену. Возле стойки администратора ее ждал молодой человек в простых джинсах и футболке, с непримечательным, доброжелательным лицом.

— Мисс Дрейк? — вежливо спросил он, и она лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он протянул ей простой белый конверт из плотной, качественной бумаги. — Вам.

Она взяла его, ощущая под пальцами шероховатую фак-

туру. Неужели он передумал? Отменял встречу? Какое-то странное, щемящее разочарование кольнуло ее под сердце.

— Спасибо, — автоматически произнесла она.

Как только посыльный скрылся за стеклянной дверью, она торопливо, почти срывая угол, вскрыла конверт. Внутри лежал лист бумаги с несколькими строчками, написанными уверенным почерком:

«Был уверен, что ты придешь, но не мог не позаботиться о твоём комфорте. Скажи имя у входа.

P.S. Хочу увидеть тебя после гонки.»

Подписи не было. Но в ней и не было нужды. Оливия медленно опустила руку с запиской, чувствуя, как по телу разливается странная, теплая, смущающая волна. Он был уверен в ней. Настолько, что заранее все организовал, продумал. И этот постскрипtum... «Хочу увидеть тебя после гонки». Откровенно. Прямо. Без привычной игры, полунамёков и прикрывающего их сарказма.

Она была приятно удивлена и одновременно ошарашена. Что он имел в виду? Что будет после гонки? Формальное рукопожатие? Неловкий разговор? Или что-то большее? Что-то, о чем она боялась даже подумать? Сердце застучало с но-

вой, бешеной силой, посылая по венам знакомый ей адреналин, который она испытывала только перед самым сложным, самым рискованным маневром в небе.

У входа на гоночный комплекс, едва она произнесла свое имя, ее встретил сопровождающий. Он молча провел ее через шумящую, пеструю толпу, мимо VIP-зон и суровых кордонов охраны, прямо в лифт, ведущий на самый верхний уровень трибун. Двери открылись беззвучно, и она оказалась в скайбоксе — стерильном, сияющем пространстве из стекла, хрома и полированного дерева, откуда открывалась завораживающая панорама на всю трассу.

Первые минуты она провела, молча привыкая к обстановке, впитывая атмосферу. Зрелище было впечатляющим даже для нее, видевшей мир с высоты в тысячу футов. Трасса «Джидда Корниш» вилась ослепительной, асфальтовой змеей вдоль набережной, оцетинившись барьерами и рекламными щитами. Внизу, на пит-лейн, кипела жизнь — механики, словно трудолюбивые муравьи, суетились вокруг низких, приземистых, отполированных до зеркального блеска машин. Гул моторов, даже приглушенный звукоизолирующим стеклом, вибрировал где-то глубоко внутри, отзываясь в ее собственном теле, привыкшем к реву авиационного двигателя, но не к этому, земному, яростному рыку.

Она наблюдала, как зрители на открытых трибунах — семьи с детьми, компании друзей, фанаты в ярком мерче команд — оживленно жестикулировали, разглядывая программы, делясь предстартовым возбуждением. Это был целый мир, живущий по своим, незнакомым ей, жестоким и прекрасным законам. В небе она была одна. Пилот, самолет и безграничная стихия. Здесь же... здесь была земля, горячий асфальт, жесткие препятствия и другие машины. Другие пилоты, готовые на все, до последнего, ради победы.

Именно в этот момент дверь скайбокса бесшумно открылась, и ее кровь буквально застыла в жилах. Внутри вошли Аиша и ее муж, Халид ибн Заид. Оливия узнала Аишу сразу — по ее уверенной, легкой походке, умным, пронизательным глазам и той ауре спокойной силы, что ее окружала. Теперь главное, чтобы она не узнала дочь своих друзей. Они не виделись лет десять, но даже за такое время вряд ли Лив перестала быть похожей на Рэйфа.

Она отпрянула назад и отвернулась. Быстро сориентировалась и уткнулась в программный буклет, бросая косые взгляды в сторону вновь прибывших. Сердце бешено колотилось, но Аиша явно была увлечена происходящим.

Собравшись с духом, Лив украдкой, как преступник, выглянула из-за спин гостей, пытаясь разглядеть Фуада где-то

там, внизу, на трассе. И вдруг... она поймала его взгляд. Он был уже в гоночном комбинезоне, слившемся с ним в единое целое, в шлеме с затемненным визором, совершенно безликий, как и все остальные пилоты. Но он стоял у своей машины, и его поза, наклон головы — все выдавало, что он смотрит прямо на нее. Прямо в этот скайбокс.

Он поднял руку в ее направлении и помахал. Небрежно, коротко, без лишней театральности. Затем сжал эту руку в кулак, словно сдерживая какой-то мощный, внутренний порыв, и резко опустил. Ей даже показалось, что он вздохнул — его плечи под комбинезоном заметно поднялись и опустились. Облегчение? Нетерпение? Она не могла понять.

Оливия инстинктивно, почти против своей воли, хотела ответить, поднять руку, послать ему какой-то знак, но в тот же миг увидела, как радостно, почти по-девичьи, замахала ему Аиша, стоявшая в другом конце бокса и тоже, видимо, поймавшая его взгляд. Она резко отвела взгляд, сжав пальцы в кулак. Конечно он приветствовал губернаторскую чету...

«Сконцентрируйся, идиот, — мысленно, с яростью бросила она ему. — Не облажайся. — И тут же сама себя одернула, сжигая стыдом. — Какое тебе, в сущности, дело? Ты здесь только из любопытства. Только из любопытства».

Она с силой отхлебнула ледяной газировки, ощущая, как пузырьки щекочут и обжигают горло, и прошептала так тихо, что услышала только сама себя, свои самые сокровенные мысли:

— Посмотрим, на что ты способен, Фуад Аль-Рашид. Покажи мне.

Ариф застегивал последний замок на своем гоночном комбинезоне, и его пальцы предательски дрожали. Не от страха перед гонкой. Гонка была его вторым дыханием, его отдушиной, его молитвой. Нет. Его тревожило нечто иное. Нечто хрупкое и опасное, поселившееся в его сознании. Мысль о ней.

Он вспомнил, как несколько часов назад, в гробовой тишине своего кабинета, при свете единственной лампы, писал ту записку. Ручка в его руке скользила, выводя слова, которые шли от самого сердца, а не от холодного разума. «Хочу увидеть тебя после гонки». Он приписал это намеренно, без обычной бравады и защитного сарказма. Потому что это была чистая правда. После всего этого адреналина, после победы (а он не допускал в своей голове иного исхода), он хотел видеть ее. Ее холодные, как северные моря, глаза. И... ее настоящую, беззащитную улыбку. Не саркастичную усмешку, не язвительный изгиб губ, а настоящую, сметающую все ба-

рьеры улыбку, которую он видел лишь раз, когда она смотрела на свой самолет.

Он надел шлем, и пространство схлопнулось до щели визора, до приглушенных звуков, до ритма собственного сердца. Лицо «Фуада Аль-Рашида» было надежно скрыто. Он поднял голову, его взгляд автоматически нашел скайбокс, тот самый. И он увидел ее. Белую рубашку, темный водопад волос, авиаторы, скрывающие выражение глаз. Но он знал, что она смотрит на него. Она пришла.

Облегчение волной прокатилось по нему, смывая последние следы сомнений. Он помахал ей, коротко, сдержанно, боясь выдать всю глубину своего нетерпения, и сжал кулак, чувствуя, как знакомый адреналин смешивается с чем-то новым, острым, пьянящим. Он увидит ее после гонки. И... что дальше? Ариф намеренно не думал об этом. Не хотел загадывать, строить планы. Главное — что она здесь. Что она пришла.

Прозвучала команда занять места. Мир окончательно сузился до размеров капсулы, шершавой поверхности руля и педалей под ногами. Все посторонние мысли, все образы, все чувства были безжалостно отсечены, как балласт. Остался только он, его «Порше» и трасса, ожидающая его триумфа.

Гонка началась с оглушительного, разрывающего барабанные перепонки рева, когда два десятка машин, словно выпущенные из клеток хищники, рванули со старта. Оливия невольно вжалась в спинку кожаного кресла, даже здесь, в безопасности за толстым стеклом. Она заворожено наблюдала, как машины, сверкая на солнце неслись по трассе, выстраиваясь в причудливый, постоянно меняющийся, смертельно опасный танец.

Лив невольно сравнивала это со своими полетами. В небе была лишь она, самолет и бескрайнее, безмолвное пространство. Ее соперником была гравитация, неумолимые законы физики, ее собственные пределы. Здесь же... здесь было тесно. Душно. Опасно до щемящей боли в груди. Каждая машина была угрозой. Каждый вираж — потенциальной ловушкой. Каждый пилот — врагом, готовым на все.

Именно в этот момент она увидела это. На одном из самых коварных виражей машина Фуада, уверенно лидировавшая в своей группе, была атакована наглым, яростным соперником. Ярко-желтый автомобиль попытался выжать его с трассы на обгоне, жестко, без церемоний, почти что «боднув» его задним бампером. Раздался знакомый скрежет металла о металл, визг тормозов, впивающихся в асфальт. Искры, как снопы адского огня, брызнули из-под заблокированных колес.

Оливия зажмурилась, впиваясь пальцами в подлокотники кресла. В глазах потемнело, в ушах загудел противный шум. Перед ней всплыл не гоночный трек, не сверкающие машины, а другая, старая, затертая временем, но от того не менее жуткая картина.

Ночь. Пронзительный, разрывающий душу звук тормозов. Звон бьющегося стекла. И потом... тишина. Гробовая, безнадежная тишина после.

Мама.

Ее мать погибла в автокатастрофе. Возвращаясь домой после встречи с отцом, только что прилетевшим из очередного, благополучного рейса. Обычная дорога, обычный вечер. И внезапная, бессмысленная смерть.

Мерзкое, тошнотворное чувство вины и ужаса накатило на Оливию, сдавив горло и сжимая желудок. Она стояла здесь и с замиранием сердца, с предательским страхом следила за мужчиной, который добровольно, ради забавы, рисковал жизнью в этих «гробах на колесах». В таких же, в каком погибла ее мать. Она летала, предавая глубинный, невысказанный страх отца. Она пришла сюда, предавая светлую память матери. Она врала своей семье, своему прошлому,

самой себе. И сейчас... сейчас она боялась и волновалась за незнакомого, наглого, самоуверенного мужчину. За этого гонщика, который каким-то непостижимым образом всколыхнул в ней что-то давно забытое, запретное и пугающе живое.

Это было слишком. Вина, страх, это странное, зарождающееся влечение — все смешалось в один плотный, удушающий клубок, грозящий раздавить ее изнутри.

Она не видела, как Фуад, проявив нечеловеческое хладнокровие, мастерски вырулив, сохранил контроль и позицию. Не видела, как он начал отрываться от преследователей. Она видела только призрак прошлого, свою собственную измену и ослепительную вспышку страха — не за себя, а за него.

Как только его машина, уже под оглушительные, восторженные аплодисменты трибун, первой пересекла финишную черту, Оливия развернулась и, не глядя по сторонам, почти побежала к выходу. Ей нужно было уйти. Немедленно. Пока она не сделала чего-нибудь необратимого.

— Все прошло прекрасно, мисс Дрейк! Поздравляю! — крикнул ей вслед сопровождающий, но она уже не слышала, не воспринимала. Его голос донесся до нее как сквозь толщу воды.

Она вырвалась на улицу, в теплый, плотный, вечерний воздух и жадно вдохнула, пытаясь унять дрожь в коленях и вытеснить из головы навязчивые образы. Затем села в свою машину и, не раздумывая, поехала на аэродром.

Тишина ангара после грохота гоночной трассы была почти болезненной. Ее «Экстра» стоял в лучах заходящего солнца, и Оливия почувствовала, как что-то внутри нее, сжатое в тугий узел, начинает потихоньку расслабляться. Она уже была в комбинезоне, делаая предполетный осмотр, когда из-под фюзеляжа выполз Ясин, вытирая руки тряпкой.

— Капитан? — его брови поползли вверх. — А я думал, ты на светских мероприятиях. Завтра же этап. Голова должна быть свежей, а не забитой впечатлениями.

— Моя голова никогда не бывает свежей, Ясин, — отмахнулась она, проводя ладонью по поверхности крыла. — А впечатления... их нужно переработать. В полете.

— Гм, — он прищурился, изучая ее лицо. — Переработать, говоришь? А по-моему, ты от них убегаешь. И не в ту сторону.

— В какую это — не в ту? — резковато спросила она, не

отрывая взгляда от прибора.

— В ту, где нужно думать о трассе, о ветре, о своих руках на штурвале. А ты думаешь о чем-то другом. О том, что заставило тебя примчаться сюда в субботний вечер, когда все нормальные пилоты отдыхают.

Оливия вздохнула, сдаваясь. С Ясином было бессмысленно спорить. Он видел слишком много.

— Я была на гонках. Наземных. Увидела одну аварию... ну, почти аварию. Вспомнила кое-что. Неприятное.

— Про маму? — спросил он прямо, без обиняков. Он знал ее историю. Не всю, но ключевую часть.

Она кивнула, сжимая челюсти.

— Глупо, да? Сиди и переживай за какого-то гонщика, когда завтра самой лететь.

— Не глупо. Человечно. Но непрактично, — констатировал Ясин. — Он отвлекает тебя. Этот твой гонщик.

— Он не «мой», — быстро парировала Оливия, но голос выдал ее.

— А чей же еще? — Ясин усмехнулся. — Ладно, не моя тема. Слушай сюда практичное. Звонил Ахмед.

Это заставило ее насторожиться. Ахмед управлял делами из Абу-Даби и должен был присоединиться к команде на днях.

— И что?

— Ищет спонсора. Упорно ищет. Говорит, есть пара вариантов — крупные компании, связанные с технологиями и спортом. Но они ждут.

— Чего ждут? Чуда? — язвительно спросила Оливия.

— Результата. Им нужно, чтобы «Эмили Дрейк» была в тройке лидеров на отборочных. Нужна суперлицензия WARC. Инвестиции любят победителей, капитан. А не тех, кто перед стартом думает о посторонних парнях на тачках.

Его слова, как удар хлыста, вернули ее к реальности. Он был прав. Абсолютно прав. Фуад Аль-Рашид, его гонки, его записки, это странное притяжение — все это было роскошью, которую она не могла себе позволить. Не сейчас. Завтра — все, ради чего она здесь. Ради чего лгала, рисковала,

вкладывала последние деньги.

— Он не отвлекает, — тихо, но твердо сказала она, глядя Ясину в глаза. — Он... мотивирует. Показать, что я могу быть не хуже. Что мое небо — не менее серьезная игра.

Ясин хмыкнул, но в его взгляде мелькнуло одобрение.

— Ну, если так... тогда садись в кабину и покажи мне эту игру. Но без сумасшедших виражей. Чистая техника. Как по нотам.

Она кивнула. Чистая техника. Без ярости, без побега. Только расчет. Только контроль. Именно то, что ей было нужно.

Полчаса в небе над темнеющим морем стали лучшей терапией. Каждый разворот, каждая бочка, каждый проход ворот выжигали из нее тревогу и смятение, оставляя только мышечную память, холодную концентрацию и тихую, уверенную ясность. Когда она зарулила обратно в ангар, уже стемнело. Усталость была приятной, физической, а не душевной.

— Лучше, — коротко оценил Ясин, помогая ей выбраться из кабины. — Теперь иди и выспись. Завтра — твой день.

Дорога обратно в отель прошла в тишине. Адреналин от

полета сменился спокойной, почти отрешенной усталостью. Все мысли были о завтрашнем дне, о трассе, о том, чтобы сделать все чисто.

Идя по длинному, пустынному коридору к своей комнате, она уже мысленно представляла, как примет душ и рухнет в кровать.

И тут она увидела это. Небольшой, почти невидимый листок бумаги, прикрепленный к ее двери на уровне глаз. Тот же наглый почерк. Всего два слова, два коротких, как выстрел, слова:

«Боишься проиграть?»»

Оливия замерла на месте, впиваясь в эти буквы. Записка была настолько двусмысленной, настолько точной, что отозвалась эхом в ее душе. Проиграть не в скорости или гонках. Проиграть в их странной игре. Сдаться. Капитулировать. Показать ему, что его настойчивость имеет над ней власть.

Она боялась проиграть. Не ему. Себе. Своим принципам, своей выстроенной годами версии правды. Боялась сдаться этой дурацкой, необъяснимой буре внутри, которую он вызывал.

Он приходил сюда. После победы. После триумфа. И не застал ее. Она с болезненной ясностью представила, что было бы, открой она дверь и увидь его сейчас, стоящим на пороге. Устояла бы? Сомнений не было. Нет. Она бы не сдержалась. И это ее пугало.

Она сорвала записку с двери, смяла ее в комок, но не выбросила. Занесла руку к урне у лифта — и замерла. Вместо этого разжала пальцы, разгладила мятый листок на ладони и, открыв дверь в номер, шагнула внутрь. Забросила комочек бумаги на туалетный столик, где он приземлился рядом с первым конвертом.

Она повернулась к двери, защелкнула цепочку и замок. Не из страха. А чтобы дать себе время. Чтобы завтра, в небе, где она была королевой, принять единственно верное решение.

Ариф сидел в уютной, наполненной мягким светом гостиной у Аиши и Халида. В воздухе витал аромат кофе, кардамона и восточных сладостей. Царила радостная, праздничная атмосфера. Аиша сияла, как тысяча солнц, ее глаза блестели от волнения и гордости.

— Я так за тебя волновалась, ахи! (Брат) — восклицала она, снова и снова подкладывая ему на тарелку кусочки пахлавы. — Этот обгон на шестом вираже... у меня сердце в

пятки ушло! Я уже думала, все...

Халид молча, но с одобрением хлопал его по плечу, его сдержанная улыбка говорила красноречивее любых слов.

— Фуад Аль-Рашид снова всех сделал. Без шансов. Молодец.

Ариф улыбался, кивал, отвечал на вопросы, произносил положенные по протоколу фразы, но его мысли, его сущность были далеко-далеко. Он думал о ней. Об Эмили Дрейк. Бесстрашном асе высшего пилотажа, которая на земле... испугалась. Его. Обычного мужчину. Он искал ее после гонки, едва сняв шлем, сжигаемый нетерпением. Ему почти сразу, с почтительными извинениями, передали: «Мисс Дрейк покинула трибуны сразу после финиша».

Вместо того чтобы отдыхать, принимать поздравления и праздновать с семьей, он сел в машину и поехал напрямик в ее отель. Стоял под ее дверью, стучал, звонил в номер. Но он был абсолютно уверен — ее не было внутри. Он чувствовал это. Как же она его бесила! Эта невыносимая, строптивая, непостижимая девчонка!

Но тогда, уже разворачиваясь, чтобы уйти, он усмехнулся. Усмехнулся самому себе, своей настойчивости и ее жалким,

смешным попыткам убежать от очевидного. Достав из кармана первый попавшийся клочок бумаги — какой-то чек, — он на обратной, чистой стороне написал то, что чувствовал на самом деле. То, что видел в ее бегстве, в ее страхе. «Боишься проиграть?»

Пусть знает, что он видит ее насквозь. И он не отступит.

Но теперь ход был за ней.

Он отхлебнул густой, горьковатый кофе, глядя в огромное панорамное окно на бесчисленные огни ночного города, и его губы тронула та самая медленная, уверенная, хищная улыбка, против которой, как он теперь знал, не была устойчива и она. Игра продолжалась. Переходила на новый, еще более опасный виток. И он не намерен был проигрывать. Ни за что на свете.

Глава 9. Грань падения и взлета

Воздух в ангаре к утру субботы стал густым, как кисель, и проводил ток. Не метафорический — так и казалось, что от одного неловкого движения вспыхнет искра, а потом все: и алый «Экстра», и их хрупкие надежды. Оливия стояла у своего самолета и пыталась унять мелкую, предательскую дрожь в коленях. Не от страха. От того самого напряжения, что сгу-

щается в момент, когда час «X» уже не на календаре, а вбит в плоть и кровь.

— Нервничаешь, — констатировал Ясин, не вопросом, а фактом. Он протирал уже и без того сияющее стекло фонаря кабины тряпкой.

— Нервничают перед свиданием, — парировала Оливия, не отрывая взгляда от линии горизонта за открытыми воротами ангара. — А я иду на работу. Сложную, ответственную, чертовски приятную работу. Это другое чувство.

— Гм, — выдавил из себя механик, и в этом звуке была целая лекция по психологии. — Тогда перестань выбивать чечётку каблуком об бетон. Пол сотрясается.

Она резко остановилась, даже не заметив, что делала это. Внезапный гул подъезжающего автомобиля заставил их обоих вздрогнуть. К ангару, нарушая утреннюю тишину летного поля, подкатил свежeweымытый черный «Рендж Ровер». Ахмед. Наконец-то.

— Салам алейкум, звезда, — бросил он, подходя и обнимая подругу. Его широкая, белоснежная улыбка на мгновение развеяла напряжение. Он обменялся с Ясином кивком. — Ну что? Готова устроить сегодня небольшое свето-

преставление?

— Планирую, — ответила Оливия, и улыбка на ее лице наконец стала живой, хоть и немного нервной. — Ты как сюда прорвался в такое время?

— О, у меня есть пропуск с пометкой «Very Important Pain in the Ass», — пошутил Ахмед, но его глаза за темными стеклами стали серьезными. — Привез кое-какие новости. И кое-что увидел по дороге. У тебя тут... публики многовато для отборочных.

Он кивнул в сторону главного терминала, куда уже стекались машины, и мелькали фигуры с фотоаппаратами и камерами на плечах.

Холодный комок снова сжался у Оливии под ребрами.

— Пресса?

— И спонсоры, и просто любопытные, — подтвердил Ахмед, сняв очки. Его взгляд был деловым и острым. — Ты — единственная женщина на этапе. Да еще в Саудовской Аравии. Это медийная бомба, Лив. Или Эмили, прости. Короче, они будут жаждать твоего лица на первой полосе.

Оливия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она готовилась к перегрузкам, к ветру, к сложной трассе. Но забыла про эту, земную, составляющую. В кабине, под шлемом, ее не узнать. Но на земле... на церемонии, если она пройдет... Липкая паника поползла по спине.

— Я не могу, — вырвалось у нее тихо. — Ахмед, ты же понимаешь...

— Понимаю, — перебил он. Его голос стал спокойным, уверенным, каким бывал, когда он на школьных дебатах разносил в пух и прах оппонентов. — Поэтому у нас есть план. Легенда, если угодно.

Ясин, слушавший молча, скрестил руки на груди, выражая скепсис всей позой.

— Какая еще легенда? Что она вампир и на фотографиях не отражается?

— Почти, — не смутился Ахмед. — Мы играем на опережение. Уважение к приватности — штука серьезная, особенно здесь. И особенно для женщины-пилота, которая и так ломает стереотипы. Мы делаем так: я, как представитель команды Эмили Дрейк, официально заявляю, что в целях ее психологического комфорта и безопасности, а также ува-

жая культурные особенности региона, мисс Дрейк сохраняет анонимность лица до окончания чемпионата. Никаких фотосессий, никаких крупных планов без ее согласия.

— И они купятся? — недоверчиво спросила Оливия.

— Купятся, — уверенно сказал Ахмед. — Потому что я добавлю, что это также требование потенциальных спонсоров, которые ведут переговоры и ценят интригу. А еще намекну на очень влиятельных «друзей семьи», которые обеспокоены твоей безопасностью. Здесь это срабатывает. Работает принцип: не трогай, если не уверен, кому это принадлежит.

Ясин хмыкнул, но в его взгляде промелькнуло уважение.

— Цинично. Но работает.

— Это гениально, — выдохнула Оливия, чувствуя, как камень с души падает. Ненадолго, но падает.

— Это бизнес, дорогая, — поправил ее Ахмед. — А теперь хватит о земном. Покажи им, зачем мы все это затеяли.

Тренировочный заезд прошел на автомате. Ее тело помнило каждую кочку воздуха над морем, каждый капризный

порыв ветра. Она пролетела чисто, без ошибок, но и без огня. Экономила силы, как спринтер перед решающим рывком. По итогам квалификации — седьмое место из четырнадцати. Не блестяще, но стабильно. Ровно посередине. Идеальная позиция, чтобы не быть на виду, но и не отставать.

Начался ад ожидания. Вернувшись в ангар, они с Ясином и Ахмедом замерли у небольшого монитора, транслировавшего выступления. Ангар превратился в бункер, а минуты между вылетами — в вечность.

Один за другим пилоты выписывали в небе свои иероглифы скорости. Некоторые — с холодной точностью роботов. Другие — с бравадой и риском, за которые судьи начисляли бонусы, но которые могли стоить штрафных секунд или даже дисквалификации. Оливия молча наблюдала, впитывая каждую деталь, каждую ошибку. Ее ладони стали влажными. Она вытирала их о брюки летного комбинезона, но они предательски потели снова.

— Смотри, как Карлос проходит слалом, — бросил Ясин, тыча пальцем в экран. — Он теряет скорость, слишком осторожно. У тебя там получается резче.

— А у Майкла на развороте крен на два градуса больше нормы, — добавил Ахмед, чей глаз, казалось, был настроен

на поиск чужих промахов. — Судьи могут не заметить, но если заметят...

Оливия кивала, но слова доносились до нее как сквозь вату. Внутри все было слишком громко: стук сердца, свист крови в висках, навязчивый, повторяющийся вопрос: «А ты сможешь?» Она смотрела, как пилот на экране, пытаясь выжать лишнюю десятую секунды, задел крылом нижний трос ворот. Раздался приглушенный хлопок, и к его времени автоматически прибавилось три секунды. Пилот в кабине, должно быть, выругался так, что запотело стекло. Оливия почувствовала спазм в животе, как будто это она совершила ошибку.

— Эмили Дрейк, подготовка к вылету. Вылет через пять минут, — раздался из динамиков голос организатора.

Весь мир резко сузился до точки. Звуки, краски, лица Ясина и Ахмеда — все поплыло, стало неважным. Остался только голос, холодный и четкий в наушниках, и знакомое, почти родное пространство кабины «Экстры». Ясин что-то сказал ей на прощание, хлопнул по плечу. Ахмед крикнул: «Удачи, звезда!» Она их не слышала.

Она была уже там, в своем коконе из стекла и металла. Проверка приборов, последний взгляд на горизонт. Дыхание

ровное, глубокое. Страх ушел. Остался только фокус.

— Джульетта-Чарли, рулите на стартовую позицию. Ветер два двадцать, пять узлов. Разрешаю взлет по готовности.

— Вас поняла, рулю, — отозвалась она, и голос не дрогнул.

Самолет выкатился на полосу. Бескрайнее небо манило. Она выровняла машину, взяла ручку управления крепче, почувствовав отзывчивость рулей. И рванула вперед.

Первые секунды — разгон, набор высоты. Земля уходила вниз, превращаясь в игрушечный макет. Потом — первый ворота. Легкий левый крен, проход. Вторые ворота — сложная комбинация: чистый разворот с немедленным переходом в нисходящую спираль. И здесь, на самом пике разворота, когда самолет был почти на боку, ветер — тот самый, непредсказуемый, морской ветер — ударил сбоку, неожиданно и резко.

Машину рвануло. Оливия инстинктивно потянула штурвал на себя, пытаясь скорректировать. Но переборщила. Нос задрался слишком круто, скорость просела. Самолет, сорвавшись с траектории, камнем пошел вниз, к свинцовой глади. Вода стремительно приближалась, заполняя собой

все, что было перед глазами. Секунды до удара, до неминуемого...

— Высота! — крикнул в наушники голос руководителя полетов, сдержанный, но с явной ноткой тревоги.

Адреналин ударил в голову, не паникой, а чистой, ясной энергией. Руки сами знали, что делать. Она быстро, но плавно толкнула ручку от себя, добавила газа. Двигатель взревел в протесте, но послушался. Самолет, почти коснувшись поверхности воды, выровнялся и рванул вперед, набирая высоту. У нее перехватило дыхание. В ушах зазвенело. Она только что чуть не разбилась. На втором же повороте.

Но мысль не успела оформиться в ужас. Впереди были следующие ворота. Не было времени на страх. Была только трасса. Она впилась взглядом в следующий пилон, сжала ручку так, что костяшки пальцев побелели, и ввинтила самолет в чиканы с такой яростью и точностью, что у нее самой свело мышцы живота от перегрузки.

Тело вдавило в кресло. Мир схлопнулся до узкой щели обзора, где мелькали оранжевые пилоны ворот. Звук мотора превратился в сплошной, всезаполняющий рев. Она больше не думала. Она чувствовала. Чувствовала малейшую дрожь машины, изменение давления в ушах, упругость воздуха на

рулях. Она вела не самолет, а продолжение самой себя.

Ворота следовали один за другим. Слалом, мертвая петля, где мир перевернулся с ног на голову. Перегрузки давили, выжимали воздух из легких, но она, закусив губу, дышала короткими, резкими выдохами, как учили, чтобы не потерять сознание.

И вот — финальные ворота. Проход на бреющем полете, с последующим переворотом Иммельмана. Самая зрелищная и рискованная часть. Нужно было пронестись в сантиметрах от водной глади, затем резко уйти вверх и, выполнив полупетлю с полубочкой, выйти точно в последние ворота на высоте.

Она прижалась к воде. Скорость, высота — все было на грани. В последний момент рванула ручку на себя. Самолет послушно взмыл в небо, перевернулся через крыло и, выровнявшись, прошел через последние ворота с идеальным, выверенным до миллиметра углом. Чисто.

— Джульетта-Чарли, заезд завершен. Рулите на пит-лейн, — раздался в наушниках голос, и в нем она уловила... уважение? Облегчение?

Она медленно выдохнула, разжала застывшие пальцы.

Тело отозвалось глухой, сладкой болью. Но внутри все пело. Она сделала это. После жуткой ошибки, почти падения — она собралась и прошла оставшуюся часть трассы безупречно. Восторг, головокружительный, как сам полет, затопил ее. В кабине она позволила себе улыбку, такую широкую и безумную, что щеки заболели.

На трибунах, в секторе с лучшим обзором, Ариф сидел, стараясь сохранять выражение легкой, отстраненной заинтересованности. Рядом Аиша, напротив, не могла усидеть на месте. Ее пальцы впивались в поручень, глаза не отрывались от неба.

— Смотри, этот японец идеален, но... скучновато, — комментировала она. — А вот этот австралиец... ой!

На экране один из пилотов допустил ошибку, получив штраф.

— И зачем так рисковать на отборе? Глупо.

Когда на старт выкатился алый «Экстра», Ариф почувствовал, как что-то сжалось у него внутри. Он не подал вида. Просто откинулся на спинку кресла, приняв позу расслабленного наблюдателя.

— О, это та самая британка, — оживилась Аиша. — Интересно, что она покажет.

Первый проход был ровным. Ариф следил за каждым движением самолета, мысленно сверяя с идеальной траекторией. И тогда, на вторых воротах, он увидел тот самый рывок, срыв, стремительное падение к воде. Его собственное дыхание остановилось. В глазах потемнело. Он неосознанно выпрямился, схватившись за поручень так, что дерево затрещало.

Рядом ахнула Аиша, закрыв ладонью рот.

— Аллах! Сейчас!..

Но самолет выровнялся. Вырвался. С невероятным, граничащим с безумием усилием. Ариф медленно откинулся обратно на спинку. По спине пробежал ледяной пот. Он сглотнул комок, застрявший в горле, и только сейчас осознал, как бешено колотится сердце.

— Вот это да... — прошептала Аиша, выдыхая. — Ну и выдержка... У нее нервы из титановой проволоки? Я уже думала, все...

Ариф не ответил. Он не мог. Его взгляд был прикован к

маленькому алому пятну в небе, которое теперь неслось по трассе с точностью ракеты. Он видел не просто пилота. Он видел ту самую борьбу, тот самый огонь, который притягивал и пугал его. Каждый вираж, каждый проход ворот был вызовом — небу, судьбе, самой себе. И она выигрывала.

Когда она прошла финальные ворота, выполнив тот самый низкий Иммельман с безупречной чистотой, Аиша захлопала в ладоши, искренне восхищенная.

— Bravo! Вот это полет! После ошибки собраться и выдать такое... Это уровень. Настоящий уровень. Ей бы только стабильности добавить.

— Ей бы только не убиться, — хрипло проговорил Ариф, и тут же спохватился. Аиша посмотрела на него с легким удивлением.

— Волнуешься за незнакомого пилота? — спросила она, улыбаясь. — Редкость.

— Волнуюсь за любой летательный аппарат, который может рухнуть на мою академию, — отрезал он, слишком резко, и отвёл взгляд. — И вообще, она безбашенная. Такие долго не летают.

— Зато как летают, пока летают, — философски заметила Аиша, уже переключая внимание на следующего пилота.

Ариф больше не смотрел на небо. Он уставился на большой экран с таблицей результатов, где имя «E. Drake» мигало, ожидая финального времени. Его ладони все еще были влажными. Он вытер их о брюки, чувствуя себя дураком. Какая разница, что с ней? Она просто пилот. Одна из многих. Но почему тогда в момент ее падения у него перехватило дыхание, как будто он сам сорвался в пропасть?

В ангаре воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом генератора и нервным постукиванием ноги Ахмеда. Они втроем уставились на монитор, где прокручивали выступления других пилотов, а в углу экрана висела таблица с промежуточными результатами. После Оливии выступили еще трое.

— Ну же, — прошептал Ясин, — обновись, черт тебя дерит.

И экран мигнул. Таблица обновилась.

Оливия замерла. Потом медленно, как во сне, поднесла руку к глазам, словно не веря им. На четвертом месте. Ее время, даже с учетом почти катастрофы в начале, оказалось

настолько сильным на второй половине трассы, что втащило ее в четверку лучших. Она прошла. В раунд восьми.

Первым зашевелился Ясин. Он молча, с серьезным видом, протянул ей бутылку с изотоническим напитком.

— Пей. Маленькими глотками.

Потом взорвался Ахмед.

— Да! — Он вскочил, сжав кулаки в триумфальном жесте.
— Четвертая! Я же говорил! Я же говорил, что ты можешь!

Оливия автоматически сделала глоток. Сладковато-соленая жидкость обожгла горло. Осознание накатило волной, от которой закружилась голова. Она прошла. Она не вылетела в первом же раунде. Она... была в числе сильнейших. На ее лице медленно расплылась улыбка. Она повернулась к Ясину, ища подтверждения в его глазах.

Механик хмыкнул, но уголки его глаз сморщились в знакомых морщинках.

— Неплохо. Для первого раза. Теперь главное — не знайся. Осталось два раунда. Соберись.

— Два раунда... — повторила Оливия, и улыбка вдруг растаяла. Неумолимая реальность обрушилась на нее. Если она пройдет дальше... Финал четверых. Подиум. Церемония награждения. Пресс-конференция. Там будут камеры, микрофоны, лица. Ее лицо. Легенда об анонимности могла не сработать на самом главном, самом публичном моменте.

Ясин, не замечая ее смятения, продолжал, проверяя что-то на планшете:

— Такими темпами и до награждения дойдешь. И до пресс-конференции. Придется тебе, капитан, слова заучивать, как благодарить спонсоров. Хотя какие у тебя спонсоры...

Он запнулся, увидев, как побелели лица Оливии и Ахмеда. Как они переглянулись — быстрый, панический взгляд полного понимания. Механик понял, что сказал что-то не то.

— Что?

Оливия не слышала его. В ушах зазвенело. Перед глазами поплыли круги. «Какая я дура... Какая я слепая, самонадежная дура! Я думала только о том, чтобы пройти квалификацию, получить лицензию. Я не думала... не думала, что могу выиграть. Что меня вытащат на свет». Двойная жизнь,

которую она так тщательно выстраивала, внезапно оказалась хлипким картонным домиком, готовым рухнуть от дуновения. Вина перед отцом, страх разоблачения, предательство памяти матери — все смешалось в один черный, удушающий ком. Ее резко затошнило.

Она отшатнулась от них, судорожно глотая воздух, и ее вырвало. Прямо на чистый бетон ангара. Стыд, отчаяние и физическая слабость согнали ее на колени.

— Вот черт, — пробормотал Ясин, бросаясь к ней.

Но Ахмед был быстрее. Он не стал нянчиться. Резко схватил Оливию за плечи, поднял на ноги и, не церемонясь, швырнул ей в лицо пригоршню ледяной воды из бутылки..

Она ахнула от шока, заморгала, отпрянув.

— Ты что?!

— Я привожу тебя в чувство! — рявкнул Ахмед, и в его голосе не осталось следов прежнего легкомыслия. Это был голос командира, человека, привыкшего брать на себя ответственность. — Слушай меня, Оливия. И слушай хорошо. Твоя паника сейчас — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Понимаешь? Мы не можем.

Он говорил быстро, отрывисто, заглядывая ей прямо в глаза, не давая отвести взгляд.

— Я все решу. Слышишь? Я ВСЕ решу. Спонсоры, с которыми я говорю, — им выгодна твоя анонимность. Это их фишка, их маркетинговая задумка. «Таинственная леди скорости». Им не нужно твое лицо, им нужен твой результат. Нужна суперлицензия в их активе. Ты получаешь лицензию сегодня — и все остальное ложится на меня. Контракты, откаты прессе, организация приватности. Я проверну эту сделку, даже если мне придется продать душу. Но для этого тебе нужно УСПОКОИТЬСЯ. Взять себя в руки. И лететь дальше. Потому что если ты сейчас сломаешься — все это, вся наша авантюра, вся твоя мечта, все деньги — полетят к черту. Поняла?

Его слова, жесткие и точные, вбивали в ее сознание простую истину. Выбора нет. Путь только вперед. Паника — непозволительная слабость.

Она сглотнула, вытерла мокрое лицо рукавом комбинезона. Дыхание выравнилось. Взгляд снова становился ясным. Она кивнула. Сначала едва заметно, потом увереннее.

— Хорошо, — хрипло сказала она. — Хорошо. Я поняла.

Ахмед выдохнул, его плечи опустились.

— Молодец. Теперь иди к самолету. Ясин, — он обернулся к механику, — сколько у нас времени?

Ясин, наблюдавший за сценой с каменным лицом, взглянул на часы.

— Двадцать минут до объявления второго раунда. Самолет готов.

Оливия уже шла к своему «Экстра». Ноги слушались. Руки не дрожали. Страх никуда не делся, но он был загнан глубоко внутрь, превращен в холодное топливо для концентрации. Она не думала больше о прессе, о лице, о прошлом. Только о следующем полете. Только о восьми воротах, которые отделяли ее от финала.

Она уже сидела в кабине, делая последние проверки, когда из динамиков раздался голос организатора, на этот раз громкий и четкий, разносящийся по всему летному полю:

— Дамы и господа, пилоты и болельщики! Добро пожаловать на раунд восьми! Первый участник этого решающего заезда — самолёт Extra 330SC, номер 07, представляющий

Великобританию — Эмилиии Дре-е-ейк!

В ее наушниках щелкнуло, и раздался знакомый голос руководителя полетов, на этот раз с легкой, едва уловимой иронией:

— Ну что, Джульетта-Чарли, готовы повторить свой трюк с окунанием? Только на сей раз, пожалуйста, обойдемся без фокусов. Нам тут зрителей жалко.

Оливия не смогла сдержать короткой улыбки. Нажала на переговорную кнопку.

— Вас поняла, контроль. Обещаю, сегодняшнее шоу ограничится только небом. Джульетта-Чарли готова к вылету.

— Ветер стабильный, два десять, четыре узла. Разрешаю взлет. И... удачи. Вы нам нужны в финале.

Последняя фраза прозвучала неожиданно тепло. Оливия кивнула про себя, выровняла самолет на полосе и добавила газ. Двигатель взревел, отвечая на зов.

Красная стрекоза оторвалась от земли и понеслась навстречу синему полуденному небу, оставляя внизу суету, страхи и земные расчеты. Впереди была только трасса. И тихий, настойчивый голос внутри, повторявший, как мантру:

«Лицензия. Только лицензия. Все остальное — потом».

Глава 10. Четвертая. Снова.

Полдень на трибунах стал раскаленным и звенящим. Воздух дрожал от рева моторов и возбужденных голосов толпы, но в VIP-секторе, где сидели Ариф и Аиша, царило свое, напряженное молчание. Ариф держал в руке бутылку с ледяной водой, и пластик тихо поскрипывал под его пальцами. Он не пил. Просто сжимал и разжимал ладонь, чувствуя, как конденсат стекает по пальцам.

На экране шла трансляция второго раунда — «Раунда восьми». Из четырнадцати стартовавших осталось восемь сильнейших. Теперь каждый заезд был как удар ножом — одно неверное движение, и путь к суперлицензии обрывался.

— Смотри, как аккуратно ведет машину этот француз,
— Аиша, откинувшись на спинку кресла, изучала траектории с профессиональным интересом пилота и руководителя.
— Никакой лишней бравады. Чистая математика в воздухе.
Именно так и нужно летать на отборе.

Ариф промычал что-то невнятное в ответ. Его взгляд был прикован к алому самолету, который только что зарулил на стартовую позицию. Номер 07. «E. Drake».

— А вот наша британка, — в голосе Аиши прозвучало оживление. — Интересно, как она себя поведет на этот раз. Соберется или пойдет на поводу у азарта?

« Она должна собраться, — яростно подумал Ариф.— Должна». Он не знал, откуда в нем эта тревога. Он наблюдал, как самолет, четко выполнив все процедуры, ринулся в небо. Его пальцы впились в бутылку так, что хрустнул пластик.

Полет Эмили Дрейк во втором раунде был... безупречным. И оттого почти скучным для зрелищной гонки. Не было того безумного срыва к воде, не было яростных, на грани фола виражей. Она летела по трассе, как по лекалу: точно, технично, предсказуемо. Каждый крен — расчетливый, каждый разворот — выверенный до градуса. Даже проход низкого Иммельмана она выполнила с безопасным запасом высоты. Руководитель полетов лишь изредка отдавал сухие, короткие команды по курсу, на которые она так же сухо отзывалась. Никаких всплесков эмоций. Никакой ярости.

Когда ее время всплыло на табло, Ариф почувствовал странное разочарование, смешанное с облегчением. Время было хорошим, крепким середнячком, но не блестящим.

— Ну вот, — вздохнула Аиша, разочарованно покачав го-

ловой. — Как по учебнику. Честно, солидно, но... без искры. Похоже, вручать суперлицензию и кубок победителя этапа мне придется кому-то другому. Жаль. Мне бы очень хотелось вручить его женщине. Как коллеге. Это был бы красивый жест.

Ариф наконец отпил воды. Ледяная влага обожгла горло, вернув способность мыслить здраво.

— Жесты — для политиков. В гонках важны результат и стабильность. Она показала и то, и другое. Для второго раунда — достаточно.

— Достаточно для прохода? — Аиша усмехнулась. — Посмотрим на результаты остальных. Но ты прав, она надежна. А надежность — это то, что ценят спонсоры. Кстати, о спонсорах и жестах... — она понизила голос, хотя вокруг никого не было. — Я говорила с Халидом.

Ариф насторожился, почувствовав подтекст.

— И?

— И он, в свою очередь, говорил с людьми из Федерации и Министерства спорта. Есть идея. Победителю этих отборочных, тому, кто получит суперлицензию WCAR... будет сделано очень серьезное, очень лестное предложение. Выступать под флагом Саудовской Аравии. При поддержке го-

сударства и, разумеется, Академии. Это поднимет престиж и страны, и нашего проекта на невероятный уровень. Пригласить международную звезду — это одно. Вырастить свою, да еще и женщину... это уже история.

Ариф замер, бутылка застыла на полпути ко рту. Предложение было более чем серьезным. Это был рывок в большую лигу, признание, о котором он мечтал для Академии. Но мысль о том, что «звездой» может стать она, эта взбалмошная, непредсказуемая англичанка, вызывала в нем вихрь противоречий. Гордость? Раздражение? Тревогу?

— Это большое доверие, — осторожно сказал он. — Но нужно, чтобы победитель того стоил. Не только как пилот, но и как... публичная персона.

— Именно, — кивнула Аиша. — Поэтому я и смотрю на нашу мисс Дрейк с таким интересом. Показывает характер. Упорство. Но нужно еще и умение блистать в нужный момент. А она, кажется, сегодня решила не рисковать.

На экране тем временем финишировал очередной пилот, японец, показав время чуть лучше, чем у Эмили. Имя «Drake» медленно поползло вниз в таблице. Пятое место. Шестое.

— Видишь? — Аиша развела руками. — Без риска в этой

игре не выиграть. Похоже, твоя сдержанная протеза ограничится первым раундом плей-офф. Что ж, все равно достойно для новичка.

Ариф ничего не ответил. Он просто смотрел на то место в таблице, где маячило ее имя, и чувствовал, как что-то тяжелое и холодное опускается в желудок. Разочарование? Да. Но больше — досада. За то, что она спрятала тот самый огонь, который видел он. За то, что играет по общим правилам, когда у нее есть шанс их переписать.

В ангаре пахло жареным металлом, горючим и холодным потом. Оливия стояла, прислонившись к фюзеляжу, и смотрела на монитор, где только что появилось ее итоговое время и промежуточная позиция — шестая. Ясин молча протянул ей полотенце. Ахмед ходил взад-вперед, что-то бормоча себе под нос на арабском, по тону — ничего лестного.

— Ну, — начала Оливия, и ее голос прозвучал глухо, — по крайней мере, чисто. Ни одного штрафа. Как по учебнику.

— Именно что как по учебнику! — взорвался Ахмед, остановившись перед ней. — Кому нужен учебник, Лив? Ты же могла дать жару! Ты же чувствовала трассу! Зачем ты сбавила перед финальными воротами? Там можно было выиг-

рать полсекунды!

— Чтобы не повторить ошибку, — отрезала она, сжимая полотенце в руках. — Чтобы не вылететь за «опасный полет». Я пролетела чисто и прошла. Разве не это было целью?

— Цель — не просто пройти, а пройти как можно дальше! — Ахмед провел рукой по лицу. — Спонсоры, с которыми я говорю, смотрят не на шестое место в четвертьфинале. Они смотрят на подиум. На победу. Ты понимаешь разницу?

— Понимаю, — прошипела Оливия, и в ее глазах вспыхнули знакомые Ясину и Ахмеду искры ярости. — Но я не могу выкладываться на все сто, когда каждая ошибка может означать конец! Это не Калифорния, Ахмед! Здесь каждый пилот — ас. И летают они не хуже меня!

— Но ты лучше! — неожиданно жестко врезался Ясин. Они обернулись к нему. Механик стоял, скрестив руки, и его обычно бесстрастное лицо было напряжено. — Ты лучше, потому что у тебя есть то, чего нет у этих вышколенных роботов. Ярость. Дерзость. Ты забыла, кто ты? Ты забыла, как прошла трассу после падения? Ты летишь «как по учебнику», и в этом твоя главная ошибка. Ты пытаешься играть в их игру на их поле. А твое поле — там, где кончаются учебники и начинается чистое безумие. Все или ничего, капитан.

Третьего не дано.

Слова Ясина ударили в самую точку. «Все или ничего». Именно так она всегда и жила. Или тотальный контроль, или срыв в штопор. Умеренность, осторожность, расчет — это было не про нее.

Она отвернулась, уставившись снова в монитор. Шел заезд следующего пилота, итальянца с репутацией виртуоза. Он шел блестяще, до самого финала. И на последнем слаломном участке, пытаясь срезать угол, задел крылом синий надувной пилон ворот. На экране медленно, неумолимо всплыла надпись: «+5.00 сек».

В ангаре повисла тишина. Следующим был немец. На первом же сложном элементе — штопор с выходом в ворота — он вышел с перегрузкой, превышающей допустимую. Сирена. Надпись: «DSQ. Over-G».

Оливия, не дыша, смотрела, как обновляется таблица. Имена сдвигались. Штрафные секунды отбрасывали итальянца вниз. Дисквалификация немца вычеркивала его во все. Ее собственное имя, «E. Drake», медленно, как поднимающийся лифт, поползло вверх. Пятое... четвертое...

Она прошла.

Четвертая.

Снова.

— Аллаху акбар, — прошептал Ахмед, и в его голосе было скорее изнеможение, чем восторг. — Четвертая. Опять четвертая. Как карта легла. — Он посмотрел на Оливию. — Если ты и в финале будешь четвертой... спонсоров будет очень, очень сложно убедить. «Стабильно четвертая» — это не история для легенды. Это история для статистики.

Оливия больше его не слышала. Внутри нее что-то переломилось, порвалось и вспыхнуло белым, каленым пламенем. Ярость. Чистая, неразбавленная, освобождающая ярость. На него, на себя, на эту дурацкую таблицу, на этих пилотов-роботов, на весь мир, который пытался загнать ее в рамки «учебника» и «стабильности».

Она резко выпрямилась. Глаза ее горели живым огнем.

— Я не буду четвертой, — сказала она твердо. — Мне надоело быть четвертой. Мне надоело бояться.

Она повернулась к Ясину.

— Готовь «Воробушка». Не к «учебному» полету. Готовь его к бою.

Ясин, не задавая лишних вопросов, резко кивнул и бро-

сился к ее самолету. «Экстра» летал по учебнику, но «Воробушек»... «Воробушек» летел по велению сердца.

Она коснулась фонаря кабины и мысленно попросила его сегодня лететь быстрее ветра.

Ахмед открыл было рот, но Оливия остановила его взглядом.

— Ты хотел историю для спонсоров? — ее губы растянулись в улыбке. — Сейчас они ее получают.

Финал четырех. Самое титульное небо. Четыре лучших пилота за день. Четыре машины, четыре судьбы, одна лицензия.

Оливия сидела в кабине и не узнавала себя. Ни страха, ни сомнений, даже адреналин не бил в виски знакомой дрожью. Была только сфокусированная ярость и абсолютная, почти пугающая уверенность. Она не просто хотела выиграть. Она собиралась взять то, что ей причиталось, с боем, с грохотом, переломив ход этой гонки через колено.

— Финал четырех. Первым на трассу выходит под номером 07, Эмили Дрейк на «Экстра 330SC». Удачи, Джульетта-Чарли, — раздался в наушниках голос диспетчера, на этот раз без иронии. Только уважение и легкое напряжение.

— Спасибо, контроль. Поехали.

Она не просила разрешения на взлет. Она взяла его. Самолет сорвался с места, как пуля, и почти вертикально ушел в небо, набирая высоту для первого, самого сложного элемента — нисходящей восьмерки через ворота.

И с первой же секунды стало ясно: это будет не полет. Это будет война.

Она вела машину на пределе и за пределом. Там, где другие пилоты оставляли запас в сантиметры, она проходила ворота так, что казалось, краска на крыле сдирается от трения о воздух. Ее виражи были не резкими, ломаными углами, максимально сокращающими путь. Перегрузки выжимали из нее стон, давили на грудную клетку так, что темнело в глазах, но она только сильнее впивалась в ручку управления, дыша через силу, через боль.

В петлю она ввинтила самолет на такой скорости и с таким четким радиусом, что у наблюдавших на земле перехватило дыхание. Выход — идеальный, без малейшего сноса. Ворота на бреющем полете она прошла на высоте, от которой у инженеров в боксах волосы встали дыбом. Риск? Да. Но риск выверенный, основанный на дикой интуиции и абсолютном

знании своей машины. Своего «Воробушка».

Она не летела по трассе. Она резала ее, как алмазом, оставляя в воздухе воображаемый след чистой, безупречной геометрии. Ни одной лишней дрожи, ни одного сомнительного решения. Только агрессия, обернутая в ледяную точность.

Когда она пронеслась через финальные ворота и пошла на посадку, в наушниках стояла гробовая тишина. Потом раздался сдавленный выдох руководителя полетов:

— Джульетта-Чарли... это... Рулите на стоянку. И... поздравляю.

Она не ответила. Просто кивнула про себя, чувствуя, как ярость понемногу отступает, оставляя после себя пустоту и дикую, всепоглощающую усталость. Она выложилась. До последней капли.

Ангар встретил ее оглушительной тишиной, которая длилась ровно три секунды. Потом его разорвали вопли.

— ТЫ СУМАСШЕДШАЯ! — ревел Ахмед, схватив ее в охапку, едва она вылезла из кабины, и принялся трясти, смеяться и ругаясь одновременно. — Ты абсолютно, клинически, неизлечимо сумасшедшая! Ты видела свое время? Ты видела, как ты прошла ту петлю? Я думал, у меня сердце выпрыг-

нет!

Ясин не кричал. Он стоял в стороне, и по его лицу текли две грязные борозды от пота и, возможно, чего-то еще. Он смотрел на нее, на самолет, потом снова на нее и медленно, с невероятным усилием, кивнул.

— Вот теперь, капитан, — произнес он хрипло, — теперь ты полетела.

Их троих охватила истерика — смех, слезы, взаимные тычки. Они были маленькой, сумасшедшей командой, которая только что сделала невозможное. Они держались друг за друга — Оливия, Ахмед, Ясин, — образуя тесный, дрожащий от эмоций круг, и уставились на монитор, где одна за другой появлялись результаты оставшихся трех финалистов.

— Выходит японец, — прошептал Ахмед, сжимая ее плечо. — Если он чисто...

Он пролетел чисто. Но его время, хоть и блестящее, было на две десятых медленнее. Оливия вдохнула.

— Француз...

Француз, тот самый «робот», допустил крошечную ошиб-

ку на слаломе. Плюс три секунды. Он вылетел из борьбы.

Остался последний. Норвежец. Хладнокровный, техничный гений. Они молча, не дыша, смотрели, как его самолет выписывает в небе безупречные дуги. Он летел идеально. Так же идеально, как она, но без этого... безумия. Время...

На табло всплыли цифры.

Разница составляла 0.08 секунды.

В их пользу.

Они замерли. Никто не мог вымолвить слово. Казалось, время остановилось. И в эту ледяную, звенящую тишину, словно удар ножом, врезался новый, молодой, знакомый до боли голос из-за спины:

— Салам алейкум, авантюристы.

Оливия обернулась так резко, что у нее хрустнула шея.

В открытых дверях ангара, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди, стоял Алекс. Его лицо было бледным, губы сжаты в тонкую белую нитку. В его глазах, обычно таких живых и насмешливых, бушевала буря — гнев, разочарование, боль и что-то еще, от чего у Оливии сердце упало

в бездну.

— Алекс... — ее собственный голос прозвучал как скрип ржавой двери. — Что ты...

Она не успела договорить. Из всех динамиков на летном поле, из монитора в ангаре, громогласно, под грохот фанфар и рев толпы, раздалось объявление, которое навсегда изменило все:

— Леди и джентльмены! Пилоты и болельщики! По итогам финального заезда и всех этапов отборочного тура в Джидде... Победителем и обладателем суперлицензии чемпионата мира по авиагонкам... становится... под номером семь... Эмили Дрейк из Великобритании! Поздравляем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.